Феликс Кузнецов

В МИРЕ БОЕЦ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1975

МИ 7
К 89

Кузнецов Ф. Ф.

К89 В мире боец... М., «Сов. Россия», 1975.

72 с. (Человек среди людей).

В своей киигe литературный критнк и публнцнст Феликс Кузнецов рассказывает о характерах высокого граждаиского мужества н гражданской честностн как подлинио геронческих характерах иашего времени. Его аолиуют не только проявлення героизма в нашей повседневной трудоаой действнтельиостн, но н обстоятельства формироаання челоаеческнх характеров. Писатель показыаает а своей книге, что имеиио социальная активность, граждaистаенность позиции, компетентиость и приицнпиальность а борьбе делают челоаека личиостью, определяют его духовные н иравстаеиные ценности.

Феликс Кузнецов пншет свою киигу, обращаясь к фактам жнзин и литературы. Он ставит перед читателем насущиые вопросы и проблемы современной общестаеиной нравствеиности н помогает искать иа них ответы.

Эта киига остропроблемиой публицнстики, она предназначена для самого широкого круга читателей.

$К\frac{10507-019}{М-105(03)75}18-74$ 1 МИ 7+32С5

РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ

У Николая Атарова есть публицистические заметки, которые называются «Признания в любви и ненависти». В них рассказывается о пятилетнем Уткине, соседском мальчишке, которого писатель увидел в обновке — купленном на вырост пальтишке, ручки до кончиков пальцев утонули в длинных рукавах.

— Ах, Уткин, какой ты нарядный! — говорят ему разные знакомые и незнакомые.

И счастливый Уткин, рассказывает писатель, вдруг, осознав великое событие в своей жизни, начинает топать по тропинке как-то особенно, с каблучка на носочек.

«А вечером его дерут. Порют Уткина. Не знаю, за что. Может быть, по совокупности за целую неделю; отец вернулся с работы пораньше. Слышу горький вопль, в нем и боль и душевная обида. Спешу на выручку...

Ох, даже нового пальто не сняли с человека!»

Н. Атаров написал эту короткую историю возвышения и падения пятилетнего Уткина ради того, чтобы еще раз со всей страстностью публициста и художника воззвать: уважайте маленьких! А точнее, уважайте в любом, пусть даже самом маленьком человеке живую, трепетную человеческую личность.

Основой гражданского характера является формирование нравственно цельной личности. Сложные законы ее формирования, жизнепроявления и жизнеутверждения требуют прежде всего глубокого и полного уважения к ней. Это условие гражданского воспитания личности особенно важно для так называемого переходного воз-

раста, когда, как правило, и решаются человеком, и порой на всю жизнь, самые первые проблемы духа, формируется костяк миросозерцания, казалось бы, элементарные, а в действительности заглавные жизненные принципы. О, как недооцениваем мы порой всей глубины и сложности, а главное, всей интенсивности жизни сердца и ума именно в этом переломном — к юности, а потом к зрелости — человеческом возрасте!

Бывает нелегко проникнуть в эту величайшую тайну второго — гражданского — рождения человека, характеризующегося сложностью, глубиной и противоречивостью душевного развития. Как непонятны часто для взрослого и неуемное любопытство, и максимальная нравственная требовательность, и до предела обостренное чувство справедливости, и резкое непостоянство в суждениях, свойственные этому возрасту. Все это само по себе уже признаки стремительного нравственного роста.

Обязанность старших — не только направлять этот рост, но и создавать наиболее благоприятные условия для него.

Если мы хотим растить граждан, свободных, честных, мыслящих людей, готовых на борьбу за интересы общества, за идеалы правды, человечности и справедливости, мы должны с младенческих лет беречь, растить и развивать в человеке ростки личности, чувство самоуважения и нравственного достоинства. Должны учить маленького человека трудному искусству постигать себя, быть самим собой и стремиться во всем — в большом и малом, в самых трудных обстоятельствах — быть верным себе, оставаться самим собой.

Мы часто говорим: сломленный человек. Это и значит — человек, предавший самого себя, свое чувство, свои взгляды и жизненные принципы, человек, не выдержавший испытания на нравственную прочность. Такая ломка далеко не всегда следствие какого-то жизненного катаклизма. Бывает, что человек не выдерживает движения мелочей и подробностей жизни. Чем тоньше, незащищеннее, ранимее личность, тем больше ей надо сил, чтобы противостоять бездушию, пошлости или простому непониманию, недостатку чуткости.

В последнее время наша печать и литература все более остро ставит вопрос об уважении личности человека вообще, личности маленького человека в особенности. Проблема личности, уважительного отношения к ней —

одна из центральных проблем современной общественной нравственности, одна из главенствующих проблем воспитания.

Предвижу вопрос, точнее, опасение: не породит ли столь рачительная и последовательная забота о личности, требование безусловного и полного уважения к ее достоинству и самостоятельности некоторого эгоцентризма и индивидуализма в характере воспитанников? Опасение это, столь часто выдвигаемое сторонниками ветхозаветного «волевого», «жесткого» воспитания, неосновательно. Эгоцентризм, эгоизм, индивидуализм — порождение мелкобуржуазной, мещанской морали, обезличивающей личность; это лишь оборотная сторона нивелировки личности бездушием мещанской нравственности.

Наше требование уважения достоинства человека и свободного развития его личности сопрягается с непримиримым отношением к бесчеловечной морали индивидуалистов и мещан. Уважение к личности начинается с высокой человеческой требовательности к ней. Принцип достоинства и свободы развития личности утратит свою истинность, если он будет выключен из целостной системы коммунистической морали, если он не будет предполагать глубокого и подлинно нравственного воспитания юношества. За этим стоит более широкая проблема — проблема того нравственного климата, в котором должны расти и формироваться наши дети, нравственного климата, который выражал бы собой новые, социалистические отношения между людьми. В конечном счете — это проблема не только нравственная, но и социальная: душевная заскорузлость, эмоциональная тупость, бескультурье чувств, оборачивающиеся часто жестокостью, грубостью, насилием над личностью,— таков последний рубеж, на котором мир мещанской корысти и бесчеловечности дает нам бой. Бой, который будет продолжаться долго, трудно и обойдется дорого, потому что приводит к немалому числу чаще всего невидимых, а порой и видимых всем, очевидных жертв. В самом деле, какая статистика учтет всю человеческую боль, которая проистекает от душевного бескультурья, духовной скудости и заскорузлости.

Именно потому так важно сегодня воспитывать в людях уважение к нравственным и духовным ценностям, уважение к собственной личности и личности другого че-

2 Заказ 135

ловека, вновь и вновь напоминать о достоинстве и благородстве, о святости человеческих чувств.

Сегодня мы *практически* решаем задачу воспитания нового человека. И воспитание это начинается с преодоления «душевной безграмотности», с того, что можно определить, как этический и нравственный «ликбез». Да полноте, и «ликбез» ли это? Скорее, наоборот,— исключительно трудный, филигранно тонкий, противоречивый и сложный процесс все более углубленного облагораживания людей.

Вспоминаю молодежную аудиторию, внимательно слушавшую рассказ об одной необычной, но доподлинной истории, случившейся в 60-х годах прошлого века, более ста лет назад.

В страшные дни знаменитых майских пожаров в Петербурге 1862 года по подозрению в подготовке взрыва на Таракановском мосту был арестован некто М., служащий Варшавской железной дороги, вчерашний студент. Масса улик была против него. Его судили и приговорили к смертной казни, главным образом на том основании, что он не дал никакого объяснения, откуда он возвращался через мост, когда там произошел взрыв, и где он перед этим провел три часа. Петербургскому генерал-губернатору князю Суворову, внуку прославленного генералиссимуса, оставалось только утвердить приговор, но перед этим он решил еще раз встретиться с преступником и поговорить с ним. В крепости подсудимый произвел сильное впечатление на Суворова рассказом о своем ужасном положении, о судьбе старухи матери, которую он содержал, клятвенными заверениями своей невиновности. Но на все убеждения Суворова объяснить ему даже не как генерал-губернатору, а как Суворову, где и как он провел три часа, приговоренный к смерти отвечал: «Этого я вам сказать не могу. Я знаю, что должен умереть, но умру со спокойной совестью». Озадаченный князь Суворов лично принялся за пересмотр дела и обнаружил, что улики против подсудимого были недостаточными. М. был освобожден. Спустя некоторое время, год или два, он явился к Суворову: «Теперь я могу вам сказать, где провел три часа. Муж умер... и я женюсь».

За честь любимой женщины человек готов был отправиться на виселицу — этими словами закончил я рассказ. И оторопел: в ответ послышался... смех. Смеялись

несколько молодых людей под дружное шиканье и укоризненные взгляды девушек.

— Ну и ненормальный! — послышался тихий возглас: галерка делилась впечатлениями друг с другом.

— Это вы... ненормальные! — прозвенел вдруг в ответ возмущенный, полный горечи и упрека девичий голосок. И начался спор — хотя никакого «диспута» на этой встрече не предполагалось. Спор отчаянный, по-юношески резкий, иногда даже злой, едва не завершившийся оскорблениями оппонентов. Печальным было одно обстоятельство: нападали в основном девушки, среди ребят не нашлось ни одного, у кого бы достало мужества выступить их союзником.

Этот жаркий вечер еще раз показал, до какой степени искажены в головах некоторых молодых людей представления об истинно человеческих отношениях к женщине.

«Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым — это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству»,— писал Макаренко. Его творчество было не только явлением подлинного искусства — оно целенаправленно решало сложные задачи социальной педагогики, воспитывало личность, культуру личного и общественного поведения, одухотворенность человеческих чувств.

Небрежение к достоинству личности, неуважительное отношение к заповедному миру детской души проявляются не только в тех или иных остроконфликтных ситуациях. Чаще всего эта эмоциональная глухота к чувствам и переживаниям собственных детей проявляется в семьях — и не только в семьях — в мелочах, в повседневном быту. Это проявляется в недоверии к детям, в нарушении меры справедливости, в выговорах, нотациях и наказаниях, в грубости окриков, а порой и затрещинах по поводу и без повода. Многие почему-то считают, что чувство такта, внутренняя деликатность, столь необходимые во взаимоотношениях взрослых, совершенно не обязательны по отношению к детям. А между тем именно во взаимоотношениях взрослых с детьми, если мы хотим сохранить взаимное доверие и право чутко, бережно руководить их внутренним развитием и ростом, душевная тонкость, деликатность и такт необходимы, как никогда. Это объясняется крайней ранимостью, незащищенностью, нежностью детской души.

«Объясните мне, права ли моя мама. Она контроли-

рует каждый мой шаг, даже читает без разрешения мой дневник и личные письма. Наша дружба с ней совсем прекратилась, и мне нередко приходится обманывать ее, а после этого я плачу от стыда».

«Я переписываюсь с мальчиком и девочкой, с которыми познакомилась летом в лагере. И вот когда приходят письма на мое имя, родители вскрывают их без моего разрешения. А ведь они должны были бы положить письмо на мой стол и прочитать только в том случае, если я разрешу. Правда?»

«Ну, конечно, правда»,— отвечает своим маленьким корреспондентам журналист и учительница И. Овчинникова, получившая эти тревожные письма. «Насильственное проникновение в чужую душу бессмысленно. Нельзя вскрыть раковину ножом, не погубив ее. Нельзя ломиться в чью-то тайну с помощью грубой отмычки. Надо искать то единственное «Сезам, откройся!», которое разомкнет для вас духовный мир сына или дочери. Думаю, есть только один путь, на котором можно его найти: путь доверия, понимания, безграничного уважения».

Некоторым родителям этот путь кажется чересчур трудным. Для того чтобы он был результативным, необходимы достаточно высокая внутренняя культура, душевная тонкость, благородство чувств. Иными словами, воспитание детей должно сочетаться с самовоспитанием, самоусовершенствованием родителей. Если хочешь воспитать своего ребенка — воспитывайся сам. Эта истина элементарна и изначальна, однако она — истина. Еще более ста лет назад К. Д. Ушинский писал: «Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений». Вот почему разговор о формировании личности ребенка, о том, каким человеком он вырастет, всегда следует начинать с личности его воспитателей.

С ростом образованности и культуры нашего общества растет и внутренняя культура, я бы сказал, гуманность родителей. Но, к сожалению, образование далеко не всегда излечивает от жестокосердия, а богатая эрудиция еще не определяет с достаточной обязательностью богатство, щедрость и тонкость души. Я знаю одну мать, в которой редкая широта образованности и умственной культуры благополучно сочетается со столь же редким по

всеобъемлемости деспотизмом по отношению к собственным детям. И чем старше они становятся, чем резче и явственнее проявляются в них личности, индивидуальности, тем с большей нетерпимостью, непререкаемой властностью и диктатом относится она к ним. Она видит оправдание тому в своей материнской любви, в стремлении вырастить своих детей нравственными людьми. У нее имеется даже своеобразная — впрочем, отнюдь не новая — теория, якобы оправдывающая тот страх и постоянную подавленность, в которых растут ее дети. Она не хочет, чтобы дети росли индивидуалистами и эгоистами, а чрезмерное доверие, «тепличная обстановка» якобы только балуют их.

Сторонники «волевого» воспитания, воспитания «в строгости» всегда обосновывали свое жестокосердие и нетерпимость, свой нравственный деспотизм самыми высокими, этическими соображениями. Они не учитывали при этом одного: нравственность не может быть навязана человеку извне, она может лишь быть выработана изнутри. Навязанные диктатом, страхом, воспринятые внешне, из-под палки нормы нравственности оборачиваются чаще всего внутренней безнравственностью. Тогда и вырастают нравственные конформисты, приспособленцы и лицемеры, внешне принимающие навязанные им нормы поведения, но внутренне отвергающие их.

В тех же случаях, когда воспитание «в строгости» превращается в самодурство, когда единственным инструментом воспитания оказывается грубая, бесконтрольная власть воспитателя, в душе ребенка разрушаются порой и чисто внешние представления о нравственности и справедливости, происходит ожесточение души, огрубление чувств. Грубость и жестокость воспитателя порождают в юных душах тоже грубость и жестокость.

Насилие над личностью, неуважение к ней мешают выработке высоких нравственных начал в человеческой душе и тем наносят вред делу гражданского воспитания.

Порой мы схоластически обуживаем самое понятие гражданского воспитания, сводим его к прописям, беседам, нравоучительным сентенциям, в лучшем случае — к формированию мировоззренческих основ сознания юношества. При этом выработка сознания, мировоззрения, правильных взглядов на жизнь рассматривается как нечто внешнее, самоцельное и изолированное от глубинных нравственных основ личности.

В действительности воспитание гражданина — долгий, медленный, диалектически сложный процесс, где взаимодействует огромное количество факторов, влияний и опосредствований. Трудно (без упрощений и схематизации) дать в нескольких словах характеристику этого процесса. Здесь все важно: нравственная атмосфера в семье; направленность уроков в школе; жизнь пионерской и комсомольской организаций; круг литературного и политического чтения; разнообразие духовных интересов — таковы лишь некоторые аспекты в формировании гражданского миросозерцания, гражданских убеждений юношества. Но гражданские убеждения — это, по словам Белинского, венец воспитания, конечный результат, путь к которому нелегок и непрост. Для того чтобы передовые общественные идеи времени стали не просто суммой сведений, механически усвоенных молодым человеком, не просто знанием, но глубоко личным, внутренним убеждением, необходимо, чтобы они легли на подготовленную нравственную почву, были прочувствованы и пережиты ими, стали идеей-чувством.

Гражданственность неотделима от нравственности. Более того, гражданственность растет из нравственности. Гражданин начинается с осознания себя как нравственной личности, с постижения простых, первоначальных, общечеловеческих норм морали, человечности и справедливости. Гражданина не воспитать вне прочного нравственного фундамента, являющегося изначальной основой личности.

Не всегда мы это с полной отчетливостью понимали. В свое время в иных статьях о воспитании мы догматически противопоставляли идейность и нравственность, революционность и человечность, отдавая такие категории общечеловеческой нравственности, как совесть, честность, правда, доброта, на предмет спекуляции нашим идейным противникам.

Мы за классовый подход к вопросам нравственности, а потому против того, чтобы слова гуманизм, доброта, человечность, любовь к людям писались в уничижительных кавычках. Мы за коммунистическую мораль, а ведь коммунистические общественные отношения в противоположность эксплуататорским и олицетворяют совесть, честь, любовь к людям, гуманизм.

Как бы отвечая на вопрос о том, что побудило Вла-

димира Ильича вступить на путь революционной борьбы, Н. К. Крупская в одном из своих воспоминаний просто говорит: он очень любил рабочих людей. «Действительно, только обладая чувством большой человеческой любви к людям труда, можно было постигнуть всю меру их страданий и унижений под гнетом эксплуататоров и не ограничиться сочувствием, как это делали многие почтенные либеральные интеллигентные люди, а обратить чувство в действие, избрать тернистый путь профессионального революционера. Любовь к людям! Не та христианская, евангелическая любовь, которая призывает людей к смирению и послушанию, а та коммунистическая любовь, которая пробуждает в людях чувство человеческого достоинства, попранного угнетателями, веру в свои силы и готовность на борьбу во имя справедливости»,— комментирует слова Крупской А. Твардовский.

Такая любовь к людям и была нравственной сутью ленинской идейности, ленинской гражданственности. Революция и совершалась из любви к трудящемуся человеку, ради торжества гуманизма, доброты, чести, совести, всего истинно человеческого. Революция не отменила общечеловеческих нравственных норм, напротив, она взяла эти высокие нормы нравственности, попираемые в эксплуататорском обществе, на свое вооружение с тем, чтобы, обогатив их новым, коммунистическим содержанием, сделать их нормой взаимоотношений между всеми людьми и народами.

Одной из примечательных тенденций современности является все более углубленное внимание к духовным, нравственным началам жизни. Мы вступили в такую полосу общественного развития, когда проблемы нравственности и морали становятся одними из самых насущных общественных проблем. Такова естественная закономерность общества, развивающегося от социализма к коммунизму. Игнорируя эту закономерность, мы не сможем решить центральную задачу эпохи — задачу воспитания нового человека.

Конечная же цель коммунистического воспитания была сформулирована Лениным: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».

Формирование нового человека начинается с элементарных и таких трудных норм человечности. Без этой

нравственной основы — вне чувства правды, добра, справедливости — нам не воспитать нового человека.

Вот почему такое важное значение приобретает сегодня бой за нравственные ценности человеческой личности, за то, чтобы общечеловеческие нормы нравственности — доброта, справедливость, правда, благородство, совестливость, чуткость и человечность — с первых детских шагов входили в глубь человеческой психологии, становились частью души. Это не что иное, как воспитание чувств, воспитание тонкости, глубины, духовного богатства и одновременно воспитание характеров, близких к нашему нравственному идеалу.

Пришла пора полностью осознать и осмыслить тот принципиальной важности факт, что борьба за нравственные ценности, за тонкость и благородство чувств, духовное богатство и внутреннее достоинство личности — важнейшая составная часть сложного и глубокого процесса гражданского воспитания.

Важно, чтобы движение от эмоционального постижения сути добра и зла, элементарных нравственных истин к социальному осмыслению процессов жизни и сознательному определению своего гражданского места в ней было естественным и органичным, а не навязанным извне, чтобы система идейных убеждений, складывающаяся в ранней юности, была выстрадана, выношена, постигнута внутренне. Только тогда передовые идеи времени, которые могут быть лишь идеями коммунистическими, станут для молодых не отвлеченным знанием, но глубоко личным убеждением, руководством к жизни, к действию. Здесь особенно велика роль прочного нравственного фундамента, являющегося жизненной основой личности.

Привить в первую очередь высоконравственные жизненные принципы, заложить фундамент нравственной личности — с этого и начинается воспитание гражданина. На страницах наших педагогических журналов то и дело встречаются сегодня статьи с примечательными названиями: «Когда уважаешь ребенка», «Ты зачем сказал неправду?», «Учите ненавидеть зло!», «Истоки моральной убежденности», «Совесть надо воспитывать»...

Авторы этих статей — учителя и родители, ученые и методисты — озабочены одним: как лучше, результативнее формировать в молодых душах высокие нравственные

принципы, тонкость и благородство чувств, активное отношение к добру и злу.

Выступления эти свидетельствуют: мало понимать все значение нравственно-этического воспитания детей, надо еще и уметь осуществлять его в повседневном быту семьи, в воспитательной работе школы. Дистанция эта в практике воспитания в школе и семье оказывается пока еще очень большой. Об этом с большой тревогой писала, в частности, И. Кичина в статье «Учите ненавидеть зло!», напечатанной в журнале «Семья и школа»: «Мы, родители и педагоги, как-то мало озабочены тем, чтобы дать нашим детям живые представления о добре и зле, представления, проникнутые сильным эмоциональным чувством. Мы часто добиваемся от них только внешнего порядка в поведении. Но ведь нравственное воспитание не сводится к этому. Важно сформировать понятия о добре и зле, о справедливости и подлости, о благородстве и низости. А вот это как-то упускается.

В самом деле, о чем мы, родители, говорим обычно с нашими детьми? Сделаны ли уроки? Какая получена отметка? Как ел? Почему куртка в грязи? Почему в комнате беспорядок? Но насколько реже мы говорим с ними о людях, о поступках, об их нравственном смысле. О том, что избить, украсть, соврать — значит не только нарушить порядок, но и поступить подло по отношению к другому человеку, проявить низость души, принести другому горе и зло».

Та же тревога прозвучала и в статье директора школы-интерната из города Донецка М. Машкина «Совесть надо воспитывать» (журнал «Воспитание школьника»). Примечательно, что статья начинается вопросом, казалось бы, риторическим: «Имеет ли в наше время смысл разговор о совести?» Однако, как выясняется, вопрос этот и сегодня для некоторых не кажется риторическим. «Наблюдения за работой учителей и воспитателей, изучение их планов, посещение уроков и внеклассных бесед показали, что педагоги почти не уделяют внимания воспитанию совести учащихся,— пишет М. Машкин.— Некоторые подводят даже «теоретическую» базу: совесть, мол,— это ненужное копание в душе, которое размягчает человека. И кроме того, она связана с религией...» Проведенная среди учителей и воспитателей анкета показала, что многие из них просто не представляют себе содержания понятия «совесть».

Интересны наблюдения автора этой статьи в отношении формирования первоначальных нравственных понятий у школьников. Оказывается, многие дети приходят в школу, имея в лексиконе не слово «совесть», а слово «бессовестно». И довольно часто пользуются им.

«Почему вы так говорите, дети?» — спрашивает учитель. «А он без спросу берет»,— отвечает Наташа. «А он заглядывает в мою тетрадь»,— говорит Игорь...

На основании многочисленных наблюдений учитель приходит к выводу, что в некоторых семьях чаще пользуются словом «бессовестный», и у ребенка еще до школы вырабатывается определенное понятие, с которым он и приходит в класс. Положительного содержания понятия «совесть» первоклассник, как правило, не знает. Более того, этого не знают и некоторые родители. В одном из классов этой школы решили провести родительское собрание «Жить по совести». Родители не сразу поняли, что разговор связан с воспитанием детей. Они начали обмениваться мнениями.

— А бессовестным легче жить,— сказала мать Пети.— Возле меня шофер живет, чего только не тащит домой...

— Подобных примеров было много,— рассказывает М. Машкин.— Они волновали родителей, вызывали у них возмущение, но никто из родителей не сказал, как это влияет на детей. Итог беседы подвела учительница:

— Вот тут говорили, что бессовестным якобы легче жить. А ответьте мне: хотели бы вы, чтобы ваши дети выросли бессовестными?

— Что вы! Как можно!

— Вот и я об этом тоже думаю... То, что среди взрослых есть еще бессовестные, это ясно, с ними наше общество ведет борьбу. Но нам надо подумать о детях, как воспитать их людьми с чистой совестью. А для этого надо самим жить по совести, и тогда можно с полным правом требовать того же от детей...

Учительница права: для нравственного воспитания детей огромное значение имеет дух семьи, личный пример родителей, уровень их нравственного взаимоотношения с миром. Речь идет не только о личной порядочности в поведении, душевной тонкости, деликатности, чуткости, совестливости, но и о нравственной граждан-

ственности воспитателей, об истинности и глубине их этических представлений.

Лишь единство взглядов, убеждений, нравственных отношений в семье, в школе, в трудовых коллективах дает благоприятный результат. При отсутствии этого единства у ребенка начинается то «раздвоение души», которое постепенно приводит к моральной нечистоплотности. Сошлюсь на мнение известного педагога Сухомлинского: «Циники и лицемеры,— говорит он,— чаще всего вырастают как раз в тех семьях, где будущие граждане с детства живут двойной жизнью: в семье руководствуются одними правилами, в школе — другими; дети привыкают к мысли, что одну правду можно безбоязненно выставлять напоказ, а другую надо тщательно оберегать от чужого глаза». Тем более это недопустимо, когда ребенок воспитывается в детском доме, советском детском учреждении — когда детдом ему и семья, и школа, и улица. Поэтому, когда мне пришлось однажды окунуться в «деятельность» такого детдома и увидеть там далеко не коммунистические «принципы» воспитания детей, я не мог пройти мимо. Судите сами...

ШУМЯТ СОСНЫ В РУДНЕВКЕ...

Мы идем с Сашей Б., бывшим воспитанником Рудневского детского дома, по дорогим и близким его сердцу местам. Шестилетним мальчонкой, без отца и матери, привезли его в эти обетованные, редкой красоты края.

Сейчас ему шестнадцать лет и три с половиной месяца, как с точностью до недели сообщил он мне. Это крепкий, гибкий, как лозинка, мальчишка, впрочем, не мальчишка, а рабочий человек: ученик мастера-стеклодува на стекольном заводе «Красный май», что в двух десятках километров от Рудневки. Он хочет казаться мужчиной, держится сдержанно и с достоинством, но вдруг что-то совсем детское, мальчишеское прорывается в нем, когда он быстро протягивает руку в направлении какого-то сараюшки: «А вот здесь стояли поленницы, и я в них ночевал, когда убегал из детдома...»

Видимо, нелегким ребенком рос в детдоме этот рыжий, весь в веснушках, мальчишка, и потому несладко жилось ему там. Впрочем, потому ли?..

— А вот тот самый детдомовский огород, куда мы

лазали за огурцами,— показывает он на заросший травой участок.— А директор увидел и палкой по ногам, а когда догнал — кулаком по шее.

Саша рассказывает об этом как-то легко, беззлобно и только время от времени настороженно поглядывает на меня: верю ли я тому, что он говорит.

Потом мы молчим и тихо бродим по безлюдной территории заброшенного детдома, раскинувшегося на берегу Мстинского озера. Корпуса его, пустующие и потому тоскливые, стоят среди красоты необыкновенной. Многовековые сосны, лиственницы и осокори мерно спускаются к берегу озера, легким шумом своим нарушая глубокую, безлюдную тишину.

Я представил себе, как из года в год взрывали по утрам этот глубокий покой звонкие голоса ребят, и спросил Сашу:

— А почему все-таки закрыли Рудневский детский дом?..

— Я точно не знаю... Говорят, чтобы воспитателей наказать, а на самом деле ребят наказали. Знаете, какой рев тут стоял, когда всех развозили по другим детским домам... Хоть и тяжело было здесь, а родное тут все.

Когда я спросил об этом же бывшего директора Рудневского детского дома, тот уклончиво сказал:

— Неприятность тут вышла вследствие кляуз одной воспитательницы... Вот и закрыли.

Об истинных размерах этой «неприятности» я узнал, познакомившись с пухлым делом Вышневолоцкой прокуратуры за № 13032 под неуклюжим наименованием: «По фактам непедагогического воспитания детей в Рудневском детском доме № 2». За сухими протоколами следственных документов таилась трагедия, столь мягко поименованная директором «неприятностью»,— трагедия, показавшаяся мне поначалу просто немыслимой, невозможной в наши дни. Но передо мной — следственное дело прокуратуры, где, помимо массы свидетельских показаний, хранятся два обобщающих документа. Усомниться в их правдивости и объективности невозможно.

Первый документ — это справка, подписанная начальником Вышневолоцкого райотдела милиции и направленная в районную прокуратуру для возбуждения уголовного дела. В справке говорится, что в милицию

поступило заявление работника Рудневского детского дома коммунистки Н. А. Беловой о фактах избиения воспитанников, о том, к примеру, как воспитательница Е. А. Юрзова платяной вешалкой ударила по голове и поставила синяк под глазом тринадцатилетнему Гене И. В Рудневский детский дом сразу же выехала комиссия, в которую, помимо работников милиции, вошли инспектор роно и инструктор РК КПСС. Итогом работы комиссии был вывод: «Изложенные факты в письме тов. Беловой Н. А. (она же председатель комитета народного контроля) нами тщательно были проверены и нашли свое подтверждение».

В справке рассказывается примерно о десяти случаях жестоких наказаний детей. Вот один из них: он произошел с воспитанниками Сашей Б. и Васей Б., нарушившими режим и отправившимися без разрешения в гости на праздник в соседнюю деревню к однокласснику Боре П. Когда они вернулись, завуч детдома (цитирую справку комиссии) «вызвала их в класс старшей группы, потребовала «подышать» на нее, определяя запах алкоголя, и по нескольку раз ударила ребят по щекам на глазах всех детей». После этого провинившиеся поступили в распоряжение директора детдома, который (цитирую справку), ударил рукой по шее воспитанника Саши Б., после снял с них куртки, брючные ремни, пионерские галстуки и дал указание пройти в комнату для умывания и в наказание стоять там до отбоя. Дети были закрыты с 18 до 24 часов в субботу». В 12 ночи директор отправил ребят спать, запретив им ложиться в свои постели,— дети провели ночь на стульях, укрывшись пальтишками. Утром следующего дня он приказал им подняться в 6 утра и стоять в нетопленном умывальнике до 12 ночи.

Но и этого показалось мало разгневанному воспитателю — два с половиной месяца, говорится в справке, воспитанники Саша и Витя ходили на занятия без галстуков, ремней и в старых куртках своих одноклассников.

Я цитировал пока что официальную справку комиссии, где факты уже обобщены и систематизированы. К справке приложены многочисленные свидетельские показания ребят. Приведу хотя бы одно из них.

«...Когда мы делали домашнее задание,— рассказывает Витя А.,— Гена И., который заполнял на меня кар-

точку ДОСААФ, спросил мое отчество. Я ответил, но он не поверил и переспросил у воспитательницы Перовой. Она ответила: «Рогастый!» (У Вити был физический недостаток — нарост на виске.— *Ф. К.*) Я сказал: «Зачем вы обзываетесь? Я тоже могу». Она сказала: «Только попробуй!» Перова открыла шкаф, схватила веревку и стала бить меня. (В шкафчике под рукой у Перовой всегда хранились веревка и ремень.— *Ф. К.*) Я подставил руку. Один удар мне пришелся в ухо, а потом по подставленной руке. Сколько она нанесла мне ударов, я не знаю, но я убежал...»

Совершенно очевидно (это было очевидно, кстати, и Вышневолоцкой милиции, и Вышневолоцкой прокуратуре), что мы имеем дело не с педагогами и наставниками, а с преступниками. Странно было бы вести разговор о принципах воспитания в Рудневском детском доме. И все-таки такие принципы — неукоснительно твердые и вполне определенные, хотя и не имеющие ничего общего с советской педагогикой,— были.

«Самый лучший воспитатель у нас — Евгения Федоровна Перова,— любил повторять директор.— Когда она в группе — муха пролетит, слышно». Так говорил он о самой жестокосердной воспитательнице. Старый повар детдома, ныне пенсионер, Николай Васильевич Тимофеев рассказывал мне, что он был свидетелем случая, когда двое малышек из группы, где Евгения Федоровна была одно время воспитательницей, пришли к ней домой. Девочки были в том возрасте, когда особенно не хватает материнского тепла и ласки,— вот почему они, как к матери, потянулись к своей новой воспитательнице и решили навестить ее. Но не прошло и двух минут, как на крыльце дома появилась рассерженная Евгения Федоровна, которая вела девочек за руки. Раздраженно поджав губы, она выговарила малышкам: «Никогда не приходите сюда без разрешения. И не зовите меня мамой, я вам не мама, а Евгения Федоровна».

По-видимому, Перова, равно как Юрзова или Ермаков, не просто не любили — не переносили детей. Это неспокойное, непослушное, шаловливое племя вызывало в их скудных сердцах эмоции чисто отрицательные: раздражение, усталость, злость. За любую шалость, непослушание, без чего немыслимо детство, они награждали своих воспитанников не только затрещинами, но и унизительными кличками: «рогастый», «тварь рыжая»,

«гадюка» и т. д. Детей то и дело ставили в угол, оставляли без обеда или без ужина. Ласковая улыбка, доброе слово здесь были под негласным запретом. Пример подавал сам директор, который проходил мимо детей с угрюмым каменным лицом, никогда не здороваясь с ними. Стоило появиться ему в детской спальне, коридоре или комнате для занятий, тут же наступала мертвая тишина.

Вот почему столь справедливым и естественным, отвечающим духу и основам нашей жизни, был вывод комиссии, на основании которого и возбудили уголовное дело за № 13032: «Дальнейшее оставление на работе директора детдома тов. Ермакова, воспитателей Юрзовой и Перовой невозможно, так как их действия подпадают под признаки статьи 171-й Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за превышение власти или служебных полномочий».

Но в том же деле хранится еще один документ, венчающий его: «Постановление о прекращении уголовного дела № 13032», подписанное следователем районной прокуратуры и утвержденное прокурором района. Не ищите в этом пространном постановлении опровержения фактов. Напротив, в нем перечисляются те же и дополнительные случаи избиения воспитанников, которые приводились в справке, открывающей дело, и подводится итог: «В действиях... (имярек) содержатся признаки статьи 171 ч. 6. Уголовного кодекса РСФСР, за что они должны понести наказание. Однако...»

О, это сакраментальное «однако»! Как трудно оно давалось следователю Беляковой, стоявшей перед невозможным: найти хотя бы по видимости законные пути, чтобы прикрыть произвол и беззаконие. По документам следствия я вижу, с каким старанием и усердием она нащупывала эти обходные пути.

И вот в деле появляются характеристики на подследственных, из которых явствует, что и Перова, и Юрзова — это агнцы божьи, светлые ангелы от педагогики. Появляются объяснительные записки подследственных, скажем, Перовой: «Настоящим ставлю вас в известность, что я никогда ни при каких обстоятельствах не избивала Надю С. Далее сообщаю, что обвинение в мой адрес, будто я обозвала Сашу Б. «рыжий» и ударила ботинком, бездоказательно и ложно». Неделю спустя, так сказать, под гнетом улик, она уже пишет: «Надя С. давно меня

простила, когда я шутливо (!) хлопнула ее рукой по голове. Витя А. (которого она избивала веревкой.— *Ф. К.*) меня простил». Появляется, наконец, принципиально важный для дела документ о том, что «Ермаков М. В. с должности директора детского дома освобожден. Заведующей учебной частью тов. Шураевой объявлено строгое административное взыскание с освобождением ее от занимаемой должности».

Так было подготовлено это «однако», которое спасло виновных от возмездия. И хотя следователю Г. Беляковой, так же как раньше начальнику милиции Я. Переверзеву, было ясно, что людей этих надо судить, «однако,— пишет следователь,— учитывая, что Ермаков с работы освобожден, имеет строгое партийное взыскание за антипедагогические приемы в воспитании детей, Шураева и Перова с работы освобождены, все они имеют большой стаж педагогической работы, ошибки свои поняли, ранее замечаний не имели, характеризуются положительно (!), поэтому привлекать их к уголовной ответственности нецелесообразно, а достаточно ограничиться принятыми мерами». Сославшись на статью 6-ю Уголовно-процессуального кодекса, следователь Г. Белякова постановила: уголовное дело № 13032 прекратить.

Сразу после этого был закрыт и Рудневский детский дом.

Обратимся к ст. 6-й Уголовно-процессуального кодекса. В ней говорится, что уголовное дело может быть прекращено «вследствие изменения обстановки», если «совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным».

Но какое отношение имеет эта статья к тому, что произошло в Рудневке? Или работники Вышневолоцкой прокуратуры и в самом деле думают, что совершенные М. В. Ермаковым и его коллегами деяния потеряли характер общественно опасных?

Дети хорошо понимали, до какой степени противоречат нравы, установленные в их детском доме директором Ермаковым, самой сути, коренным принципам нашей жизни. И они боролись, как могли. Написали письмо о порядках в детдоме своему бывшему директору, которого любили,— оно подшито к следственному делу. Послали жалобу в «Учительскую газету» — ответ, о котором ребята до сих пор не подозревают и где говорится, что их

письмо переслано для проверки в Калининское облоно, хранится в том же деле...

И когда приехала комиссия, когда началось следствие, ребята воспрянули духом. Они были уверены, что справедливость восторжествует... И она должна восторжествовать — прежде всего ради духовного, нравственного здоровья детей.

Я думал об этом, когда бродил по безлюдным аллеям парка в пустынной Рудневке с Сашей Б., видел его тревожный, недоверчивый, вопрошающий взгляд. Саша как бы молча́ливо спрашивал меня, всех нас: «Неужели они достойны называться педагогами, воспитателями? Неужели все они так и останутся безнаказанными?»

...Нет, они не остались безнаказанными: после выступления газеты «воспитатели»-рукоприкладцы были не просто уволены из народного образования за профессиональную непригодность — им было запрещено заниматься педагогической деятельностью.

На этот локальный вопрос Саша Б. и его товарищи получили ответ. Куда более сложно ответить на другой, крайне сложный вопрос: откуда берется в нашей жизни такое?..

«ЧУВСТВА ДОБРЫЕ» И АБСТРАКТНЫЙ ГУМАНИЗМ

Вопрос о нравственном фундаменте личности, о роли и значении для человека и общества общечеловеческих этических ценностей волнует сегодня многих читателей. Подтверждение тому хотя бы следующее письмо читателя:

> В книгах наших современных писателей действуют герои, наделенные такими ценными человеческими качествами, как доброта, отзывчивость, честность. Между тем многие уважаемые литературные критики не очень-то жалуют этих героев. Для примера сошлюсь хотя бы на некоторые выступления участников дискуссии о так называемой «деревенской прозе», которая велась на страницах печати. У меня создалось такое впечатление, что в отдельных статьях и выступлениях пренебрежительно трактуются «чувства добрые», которые нередко рассматриваются как проявление «абстрактного гуманизма».

3 Заказ 135

А между тем может ли быть что-нибудь важнее личной честности человека, и разве коммунизм — это не такое общество, в котором каждый сможет раскрыть свои лучшие качества?

Разве так уж плохо в любых обстоятельствах оставаться добрым и честным?

Меня удивляет также: почему доброта в быту, в личных взаимоотношениях людей противопоставляется их общественной деятельности? Можно ли вообще вершить большие общественные дела, печься об усовершенствовании человечества, если ты сам не являешься чистым, высоконравственным человеком? Так ли уж это бессмысленно: «нравственное самоусовершенствование», о котором заботились лучшие умы человечества? И наконец, как сочетается классовое и общечеловеческое понимание нравственности, не так ли, что понятие нравственности относительно и нравственно то, что полезно данному классу? Но как же тогда быть с истиной, ведь истина одна?

В. САМАРЦЕВ, инженер

Горьковская область

Вот что ответил я инженеру В. Самарцеву.

Дорогой товарищ Самарцев!

Перечитав дискуссию о так называемой «деревенской прозе», я не нашел статей, в которых критики «не жалуют» доброты, честности, отзывчивости, где пренебрежительно трактуются «чувства добрые» как проявление абстрактного гуманизма.

Это не значит, что Ваше письмо, Ваша тревога лишены оснований, просто неточен адресат.

Было время, когда иные «р-р-ре-волюционеры», например, печально знаменитые теоретики Пролеткульта, отрицавшие духовные ценности человечества, предлагали исключить из употребления даже слово «мораль», а понятие «нравственное» заменить понятиями «целесообразное», «полезное» тому или иному общественному классу.

Хорошо известно, с каким уничтожающим сарказмом писал В. И. Ленин об этих псевдомарксистских «теоретиках», чьи интеллигентские выдумки он называл «хламом, который очень похож на детские болезни ребяческого возраста...» Вред сектантских, левацких, догматических теорий Пролеткульта Ленин видел прежде всего в

нигилистическом отрицании духовных, нравственных, культурных, эстетических ценностей, выработанных многовековым развитием человеческой мысли и культуры.

Диалектика соотношения классового и общечеловеческого в ленинском понимании нравственности достаточно сложна. Здесь опасны любое упрощение, метафизическая крайность, противопоставление одного другому.

Михаил Иванович Калинин с тревогой говорил в 1928 году:

«...Мы теперь иногда, чуть немного человек заикнется о каких-либо определенных нормах общественной нравственности, сейчас же осаживаем его: не морализуй, мораль — это буржуазный признак».

А когда А. С. Макаренко требовал воспитывать у молодого человека Советской страны «чувство долга и понятие чести», он порой слышал в ответ:

«Долг — буржуазная категория».

«Честь — офицерская привилегия».

«Это — не советское воспитание».

Наше общество давно уже преодолело эти болезни ребяческого возраста. Однако рецидивы их, особенно в вопросе о соотношении общечеловеческого и классового, долгое время давали себя знать.

Вспомним нилинскую «Жестокость», тот спор, который ведет там Венька Малышев с ушлым журналистом Яковом Узелковым. «Что касается совести, как ты ее понимаешь, и всякого правдоискательства, так я это предоставляю разным вульгаризаторам вроде тебя, товарищ Малышев. Меня христианская мораль не интересует»,— говорит Яков Узелков, одним махом зачисляя совесть, правду, честь по епархии христианской морали, не задумываясь, отдавая эти и другие нравственные ценности нашим идейным противникам.

Позиция автора в этом принципиальном, важном споре обнаженно, полемически ясна.

«Совесть, честь, порядочность мы напрасно, между прочим, игнорируем, предполагая, что они не из нашей морали, лексики. Оно наше, **только** наше...» — эти слова одного из героев трилогии Ю. Германа «Дорогой мой человек» точно выражают внутреннюю позицию не только автора, но всей современной советской литературы, по крайней мере, в лучших ее образцах. В них — ответ не одному Якову Узелкову, но и нашим недоброжелателям, пытающимся все перевернуть с ног на голову и

доказать недоказуемое, будто социализм уничтожает духовные и нравственные ценности, будто марксизм отвергает мораль.

Исходным пунктом марксистско-ленинской концепции нравственности является, как известно, принцип причинности, детерминизма, то есть социальной и исторической обусловленности нравственного сознания, и с необходимостью вытекающий отсюда принцип классовости морали. Однако детерминизм и классовость морали ни в малой степени не отрицают обязательных нравственных норм и объективных критериев нравственности.

«Идея детерминизма,— писал Ленин,— устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю».

Как видите, марксистско-ленинская концепция нравственности отнюдь не игнорирует общечеловеческого содержания ее, в противном случае были бы невозможны ни ленинская постановка вопроса о совести, ни ленинское отношение к духовному, культурному и нравственному наследию человечества.

Перечитайте знаменитое ленинское письмо «Как чуть не потухла «Искра»?». Этот предельно искренний документ таит в себе не использованные пока в литературе возможности для проникновения в ленинскую психологию, осмысления ленинских принципов нравственности, характера его взаимоотношений с людьми. В нем говорится о том, как чуть не погибла идея газеты из-за того, что Плеханов, с которым велись переговоры о совместном издании «Искры», оказался, к изумлению Ленина, «дурным человеком». К конфликту привели, по ленинской характеристике, «подозрительность, мнительность» Плеханова, то, что он проявлял всегда «абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность», «невероятная резкость», «холодность и сухость» с товарищами по общему делу, стремление «властвовать неограниченно» — иными словами, то, что Плеханов, писал Ленин,— «человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия...».

Личная честность, порядочность, искренность в отношениях были для Ильича чем-то настолько необходимыми и само собой разумеющимися, что подобного рода неполноценность Плеханова, к которому он относился с благоговением, его потрясла. И как бы ни хотелось Ленину закрыть глаза на эти недостатки, уверить себя всеми силами, «что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы»,— все же, как пишет он, «нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества».

Слово «отталкивающие» Ленин подчеркивает, а «мелочные» недостатки берет в кавычки, показывая этим, что насилие над нормами общечеловеческой нравственности для него вовсе не «мелочь».

А теперь позволю себе напомнить одно беглое замечание Надежды Константиновны Крупской, очень важное для понимания облика Ильича и его концепции нравственности:

«Ленин был добрый человек, говорят иные. Но слово «добрый», взятое из старого лексикона добродетелей, мало подходит к Ильичу, оно как-то недостаточно и неточно».

Г. М. Кржижановский, называвший Ленина «гениальным человеколюбцем», свидетельствовал, что «Владимира Ильича можно было легко рассердить расплывчатой характеристикой какого-нибудь человека в качестве вообще «хорошего» человека. «При чем тут «хороший»,— аргументировал он.— Лучше скажите-ка, какова политическая линия его поведения...»

Не находятся ли эти свидетельства в противоречии с тем, что говорилось выше?

Ни в малой степени.

Дело в том, что высокие нравственные качества — благородство, честность, порядочность, правдивость, искренность — Ленин считал необходимыми, но для революционера недостаточными.

Ленин был не просто добрым человеком — его человеколюбие было не просто сочувствием, но гражданским действием, деятельным чувством. В своем гуманизме Ленин исходил из научного, социально конкретного понимания того, что от века именуется «злом», а главное,

видел в действительности силы и пути для его преодоления. Он низвел старые и вечные, как мир, добродетели из сферы мечты, из сферы эмпирий на грешную землю и проложил дорогу к тому, чтобы честь, совесть, правда, благородство, добро стали в конце концов нравственной нормой жизни.

Марксистско-ленинский «реальный гуманизм» спорит не с общечеловеческими нравственными ценностями, но со «старым лексиконом добродетелей», который трактовал эти ценности искаженно, идеалистически, а в действительности предавал их. Предавал тем, что отрывал общечеловеческие нравственные нормы от реальных обстоятельств жизни, от противоречий действительности.

«Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками» (Программа КПСС).

Таким образом, «пресловутый», как Вы пишете, абстрактный гуманизм — вовсе не то, что Вы предполагаете.

Абстрактный гуманизм — не «чувства добрые», не сама совесть, честь, отзывчивость, человечность, правдивость и прочие чрезвычайно ценные человеческие качества. Абстрактный гуманизм — это ограниченное, внесоциальное и внеисторическое в конечном счете идеалистическое осмысление этих человеческих качеств. Его опасность — в противопоставлении общечеловеческого и социально-классового, в отчуждении одного за счет другого, в смешении, говоря словами Ленина, «общечеловеческого» с «общехолопским». Это, собственно, дурная крайность другой дурной крайности — того самого этического релятивизма, нравственного нигилизма, с опасностью которого мы воюем. И хотя на первый взгляд эти крайности отрицают друг друга, объективный результат у них один: абстрактные моральные призывы, игнорирующие социальную борьбу, не в силах изменить к лучшему людей и жизнь.

Такие, с позволения сказать, гуманисты говорят: будь-

те добрыми, человечными, лично порядочными — и этого достаточно. Тогда и без всякой борьбы осуществятся «мир на земле и в человецех благоволение»...

Добрыми — к кому? К подлецам, стяжателям, бесчестным приспособленцам и карьеристам? К хулиганам, насильникам, убийцам? Достаточно так поставить вопрос, чтобы стала ясной вся наивность, все прекраснодушие, даже равнодушие подобной якобы гуманистической, «общечеловеческой», а на самом деле — «общехолопской» точки зрения. Вести бой за нравственные ценности с позиций абстрактных представлений о добре и зле — значит оставаться в пределах того ветхого прекраснодушного бесперспективного миросозерцания, которое давно уже расписалось в своей полной беспомощности.

И наконец, последний немаловажный вопрос, поставленный в письме: «Так ли уж это бессмысленно «нравственное самоусовершенствование», о котором заботились лучшие умы человечества?»

Вопрос поставлен с полемической запальчивостью, а потому опять-таки неточно.

Перечитайте внимательно статьи Ленина о Толстом. Ведь Ленин иронизирует здесь не над нравственным самоусовершенствованием личности в принципе, а над проповедью «нравственного самоусовершенствования» как над средством общественного спасения, панацеей от всех и всяких бед. Ленин выступает не против нравственных начал личности, но против того, «чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни», против иллюзорной надежды, будто в условиях буржуазно-крепостнического общества путем нравственной проповеди, не меняя общественных отношений, можно изменить мир и людей.

В этой своей критике нравственно-этических иллюзий Толстого Ленин исходил из известного положения Маркса и Энгельса: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными».

Но по мере того как люди делают объективные социальные обстоятельства человечными, пропорционально возрастает роль нравственных начал, нравственного воспитания и самовоспитания человеческой личности. Это общественная необходимость, чтобы каждый в этом новом, изменяющемся мире, говоря словами Маркса и Энгельса, «познавал и усваивал истинно человеческое,

чтобы он познавал себя как человека». Мы вступили в такую историческую эпоху — эпоху практического формирования нового, коммунистического человека,— когда в жизни нашей «все более возрастает роль нравственных начал» (Программа КПСС).

В соответствии с духом времени, с резко выявившейся исторической потребностью советская литература последовательно отстаивает духовные и нравственные ценности общества, в полный голос говорит о личной ответственности человека перед собой и обществом, о его нравственном долге и совести, о совершенствовании и самоусовершенствовании человеческой личности.

«Чувства добрые», личные нравственные качества людей никак не могут быть противопоставлены их общественной деятельности. Цель нашего воспитания — последовательные и принципиальные борцы, а не приспособленцы, податливые любым неблагоприятным обстоятельствам. Высоконравственные жизненные принципы, твердые нормы личной честности и порядочности, разбуженный с детства голос совести и определяют изначальную последовательность человека в его общественном поведении, в жизненных поступках.

Но будем помнить: нравственность — не прописи благонравного поведения. Коммунистическая нравственность не исчерпывается общечеловеческими нормами морали, даже если они и осмыслены с материалистических позиций. Нравственно развитый человек, осознавший себя как личность,— это человек выработанного миросозерцания, цельных и последовательных гражданских убеждений, являющихся, повторяем мысль Белинского, венцом нравственного воспитания.

Воспитание и самовоспитание необходимо сопрягать с нашей революционной идеей, потому что вне революции и созидания нового общества нет пути, на котором можно было бы реально осуществить высокие гуманистические идеалы.

В этом — суть ленинского понимания нравственности: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».

Всем своим внутренним обликом, гражданской жизнедеятельностью Ленин утвердил качественно новый тип истинно нравственного человека нашего времени.

Говоря Вашими же словами, это «чистый, высоконравственный человек», в избытке наделенный «такими

ценными человеческими качествами, как доброта, отзывчивость, честность», в любых обстоятельствах сохраняющий верность себе, своим принципам и убеждениям.

«НАДО ДУМАТЬ!»

Не идет из памяти комсомольское собрание в одной из московских школ, на котором мне довелось присутствовать. Нет, это был не формальный разговор — для галочки: на собрании кипел диспут, настоящий бой,— и одна из выступавших, очень чистая, хорошая, ясная девочка сказала с укоризной про свою подругу:

— Она у нас такая идейная, такая идейная, что... на все способна.

А я подумал: что же случилось, как могло произойти, чтобы высоконравственное понятие идейности трансформировалось в голове этой десятиклассницы таким непостижимо странным образом?

Почему в ответ на вопрос анкеты «Как следует понимать слово «идейность»?» некоторые старшеклассники отвечали так: «Идейными я считаю людей, которые напичканы идеями», «Идейные — презрительное название людей, которые всегда выскакивают», «Идейные — это люди, говорящие газетными фразами, старающиеся сделать карьеру. Я не хочу быть идейным».

Материал этой анкеты, проводившейся в ряде школ Алма-Аты, обобщен в статье «Понятны ли привычные слова?» (журнал «Народное образование»). Анкета эта показывает, что школьники часто не понимают истинного смысла не только слова «идейность», но и «принципиальность» («Принципиальность — тончайшее придерживание указаний», «Принципиальность — умение человека настоять на своем во что бы то ни стало», «Принципиальность — это качество человека, которое приносит ему в жизни много хлопот») и многих других этических понятий.

Меня очень тревожат судьбы слов. От неумелого и неумеренного употребления они переживают инфляцию. Захватанные и затертые безответственными руками, они как бы теряют свой глубинный, изначальный смысл, перестают будить умы, будоражить сердца.

Нужна искренность, убежденность, оригинальность

мышления и талант, чтобы прорваться сквозь пелену привычного, примелькавшегося, ставшего газетным штампом к смыслу вещей и к душам людей. Но это наш долг, наша обязанность. Она всегда была трудной. Потому что говорить о первозданном, о главном, основном — всегда трудно. Трудно обнажать новый, истинный смысл в том, что, казалось бы, общеизвестно настолько, что стало банальностью, трюизмом. Трудно — но надо, потому что любая мысль, ставшая банальностью, мертва. Инфляция слова начинается с того момента, когда оно перестает наполняться новым содержанием, а порой и искажается в представлении людей. Тогда-то и возникает ощущение стертости, привычности, обыденности, возникает обратный эффект. Слово не убеждает, но разубеждает, не ведет за собой, но отталкивает людей. Тогда-то и возникает гласный или негласный спор о высоких и громких словах. Отзвуки его были слышны еще в повести В. Аксенова «Коллеги». Помните: «Ух, как мне это надоело! Вся эта трепология, все эти высокие словеса»,— говорит там Алексей Максимов в ответ на тревожные раздумья Саши Зеленина о смысле жизни, долге перед народом и страной. Нет, он не обыватель, Алексей Максимов, он честный и настоящий парень, готовый за свою страну, за свой строй, не задумываясь, отдать «руку, ногу, жизнь». Но он считает, что об идеалах говорить не следует: все это — «высокие» слова. «Их произносит великое множество прекрасных идеалистов вроде тебя, но и тысячи мерзавцев тоже».

У Алексея Максимова — да разве только у него — выработалась, по словам покойного Николая Погодина, «защитная пленка, именуемая иммунитетом, к громким и общим словам».

Добро бы, только к «словам». К сожалению, явление это выходит за пределы филологии — оно принадлежит сфере общественной нравственности. Оно выражает очень тревожный процесс, наметившийся среди какой-то части нашей молодежи, который можно определить как своеобразный инфантилизм, гражданский индифферентизм, равнодушие к общественным проблемам жизни.

Истоки этих трудных явлений понятны. Они в том, что мы плохо еще учим людей мыслить — социально, общественно, граждански. Вот почему противоречия жизни повергают иных незрелых мыслью людей в смятение,

скепсис и даже безверие. Особенно трудно приходится тем, кто только входит еще в жизнь, не успев выработать прочного мировоззрения, не получив достаточного жизненного опыта и знаний.

Впрочем, в тех тревожных раздумьях о так называемой инфантильности какой-то части подрастающего поколения нам следует остерегаться упрощений и прямолинейности. Ведь инфантилизм обозначает детскость, возрастную отсталость, а между тем налицо нечто противоположное: дети сегодня взрослеют гораздо быстрее и интенсивнее, чем когда бы то ни было в прошлом,— это факт.

Для справки сошлюсь на журнал «Курьер ЮНЕСКО». Многочисленные исследования, проведенные в Советском Союзе, показывают, что за последние 60 лет произошло ускорение роста и развития подростков на 2 года, то есть сегодняшний пятнадцатилетний юноша по физическому и половому созреванию соответствует семнадцатилетнему юноше начала XX века. Что касается психической акселерации, то исследователи единодушны: сейчас наши дети интеллектуально более развиты, чем их одногодки 100 или 50 лет назад. Истоки тому — в тех глубоких изменениях, которые произошли в жизни. Новое качество демократизма нашего общества, всеобщая грамотность, рост образованности и интеллигентности, радио, телевидение, кино и прочие средства массовой информации — все это, вместе взятое, не могло не наложить на формирующуюся личность, особенно в переходном возрасте, свою печать. Следствием этого является новый уровень интеллектуальности подрастающего поколения (я говорю о тенденции), новый уровень личностного, индивидуального начала, рано выявляющееся стремление к самостоятельности мышления и поведения. Все это помножено на свойственный переходному возрасту нравственный максимализм — юность, как губка, впитывает столь естественные для человеческой природы и в особенности для нашего общества идеалы добра, правды и справедливости. Молодежная аудитория сегодня — и это наше завоевание,— как никогда, чутка к фальши, к любой несправедливости, к любому разрыву между словом и делом. Она требует большой искренности, убежденности, правды и самостоятельно мыслящего ума в общении с собой. Да, среди какой-то части молодых имеют место и скепсис, и нигилизм, и ироническое отношение к «высоким сло-

вам», равнодушие в сфере идейных убеждений — то, что, весьма условно мы называем инфантильностью, точнее, гражданской инфантильностью. Но надо помнить, что это — не столько вина, сколько их беда, что тревожащие настроения среди какой-то части подрастающего поколения — реакция этой чуткой, впечатлительной, максималистской аудитории на фальшь и формализм, на примитив и шаблон, которые еще встречаются и в комсомоле, и в школе, в различных звеньях нашей социальной педагогики.

Ушло в небытие время убеждений, основанных на слепой вере, пришло время, когда убеждения вырабатываются знаниями, работой мысли, собственным опытом. Время трудных испытаний для воспитателей, потому что в новых условиях жизнь требует от них новых качеств: не только внутренней убежденности, но и умения самостоятельно мыслить, мыслить честно, потому что любая фальшь дает обратный эффект. А самое главное — умения учить мыслить, с позиций диалектики осмыслить противоречивое движение жизни и занимать в ней активную гражданскую позицию сознательных, думающих борцов.

Другого пути воспитания гражданственности у подрастающего поколения нет.

Вот почему не надо бояться беспокойных юношеских сомнений, если они порождены глубокой неудовлетворенностью собой и своими нравственными отношениями с жизнью. Не следует приходить в ужас от свойственного переходному возрасту скептического склада характера, если только это не скепсис сытости, пресыщенности, цинизма, а здоровое стремление ищущего, честного ума подвергать все сомнению ради поиска истины. Но только ради этого — ради поиска истины! Она за нами. Марксистский метод не только не боится, но предполагает проверку истины жизнью, знанием, здоровым, ищущим, сомневающимся умом. И для сегодняшнего времени, для нашего молодого поколения, как никогда, применимы слова Писарева: «Надо смотреть на жизнь серьезно; надо внимательно вглядываться в физиономию окружающих явлений, надо читать и размышлять не для того, чтобы убить время, а для того, чтобы выработать себе ясный взгляд на свои отношения к другим людям и на ту неразрывную связь, которая существует между судьбою каждой отдельной личности и общим уровнем человеческого благосостояния. Словом: надо думать.

В этих двух словах выражается самая насущная, самая неотразимая потребность нашего времени и нашего общества».

Писарев призывал людей учиться думать ради выработки честных гражданских убеждений, цельного общественного миросозерцания. Весь его нигилизм, все его отрицание были подчинены в конечном счете этому — воспитанию идейных людей, которые видят смысл жизни в том, чтобы быть гражданами, а не обывателями, формированию убежденных борцов за счастье народное. Он прививал людям уважение к гражданским убеждениям, считая верность принципам высшей добродетелью человека, высшей его честностью — честностью политической.

Выработка общественной потребности в убеждениях и принципах, воспитания молодежи в уважении и верности им — что сегодня злободневнее этой задачи?

Молодые не могут не задумываться о первоосновах бытия. Они не могут не думать о смысле жизни. В чем он?..

Вы помните, как затихает зал, когда мягкий, интеллигентный священник отец Серафим в кинофильме «Все остается людям» бросает в лицо погибающему академику Дронову этот вопрос: «...Америку догонять собираетесь?.. Не сомневаюсь, перегоните. Плоть людскую ублажите. А с духом как же? Как сделаете, чтобы сын не предавал отца, а ученик не предавал учителя? Чтобы животный страх смерти не превращал человека в труса поганого? Чтобы святое было за душой? Без бога как сделаете?..» Такой вопрос ставился и раньше подобными серафимами. Ответ на этот вопрос дала жизнь. Не церковники, не духовенство — русские революционеры, материалисты, безбожники явили миру характеры поразительной духовности, редкой нравственной красоты. «Святыми» называл 60-е годы, годы Чернышевского и Добролюбова, Писарева и Герцена, А. Чехов. А разве можно назвать в нашей дореволюционной истории эпоху, которая могла бы соперничать по белоснежной чистоте нравственности, высоте человеческого духа с эпохой народничества, временем Желябова и Александра Ульянова? А разве Ленин и его сподвижники не совершили подвиг беззаветности, подвиг нравственности, подняв Россию на революцию?

Величие духа Чернышевского и Желябова, Александ-

ра Ульянова и Владимира Ленина заключалось в том, что они были идейными людьми.

Убеждения и принципы — вот источник силы человеческого духа. Необходимо вырабатывать в сердцах и умах молодежи потребность в убеждениях и принципах.

Идеалы — это не одежда с чужого плеча. Идеи времени становятся идеалами личности только в том случае, если они пропущены через собственную душу.

Из юношеского кризиса, столь болезненно переживаемого какой-то частью молодежи, возможны два выхода. Один — через внутреннее беспокойство, неудовлетворенность, духовный поиск и усиленную работу мысли — к нравственному синтезу, к выработке честного гражданского мировоззрения, к принципиальным позициям борца. Другой — через напускной «нигилизм» и браваду, через равнодушие и «сытый» скепсис, через леность мысли и ожирение ума — в ряде ультрасовременных «модерных» мещан.

Обязанность воспитателей — помогать молодым в выработке убеждений, в формировании мировоззрения. И делать это с максимумом такта, с полной искренностью и собственной убежденностью. Самое губительное здесь — неправда и фальшь. Вот почему не следует бояться любых, самых трудных разговоров и споров с детьми — лишь бы они были прямыми и искренними с той и другой стороны. Не следует загонять детские и юношеские сомнения вглубь. Надо уметь слушать ребят и вместе с ними докапываться до истины, тактично и исподволь помогать им самим находить правильный ответ.

Трескучее, неубедительное, бездоказательное слово, в котором дети чувствуют фальшь, дает порой обратный эффект, вырабатывает отрицательные убеждения. Еще больший вред приносят неправда, бегство от истины, какой бы трудной она ни была. Облегченные, «розовые» представления о жизни, привитые с детства, могут легко привести детей при столкновении с реальной действительностью к разочарованию и скепсису, к неверию в наши идеалы, к неумению правильно разбираться в сложных и противоречивых процессах жизни действительной.

«Вы не научили нас жить,— пишет своим учителям ученик одной из московских школ Коля С.— В жизни все иначе...» Как часто слышишь подобные упреки взрослых школьников в адрес своих воспитателей.

Не приукрашивать жизнь, а уметь на конкретных, ясных и простых фактах раскрывать героическое содержание нашей трудной действительности, прививать уважение к жизни честной, простой и высокой — такова первая практическая задача воспитателей, думающих о формировании гражданских начал в сердцах своих воспитанников. Наша литература, наши фильмы, спектакли глубоко раскрывают красоту идеалов нашей революции, благородство подвига отцов. Приобщение детей к книгам, искусству таит огромные и пока еще недостаточно используемые возможности для гражданского воспитания подрастающего поколения.

НАСЛЕДНИКИ КОРЧАГИНА

Небывалой силы ток идет в наше сегодня из недавнего революционного прошлого. Ток идейности, духовности, кристальной нравственной чистоты. С особой отчетливостью это ощущается в современной литературе, которая, как я уже говорил, незаменимый наставник в гражданском воспитании юношества. Книги о революционном прошлом, о времени гражданской и Отечественной войн помогают понять красоту и величие подвига самопожертвования, понять истоки нравственной высоты, испытанной революцией и Отечественной войной. Истоки эти прежде всего в наших общественных отношениях, глубоко гуманных и справедливых, ежесекундно вырабатывающих в человеческих сердцах правду и добро. Истоки в том, что, как говорится в «Повести о Борисе Беклешове» Л. Кабо, герой ее с детства знал «...главное, очень простое: что живет в стране, на которую с надеждой смотрят и индусы, и негры, и китайские кули, в единственной стране, где нет буржуев-капиталистов, и экс-плуа-тации тоже нет, и что скоро, рукой подать, будет мировая революция, которая освободит всех. Боря всегда готов!»

И глубоко закономерно, что современная литература наша вновь и вновь обращается к главному истоку: к темам революционных лет. Какими были люди, боровшиеся за идеалы революции, за торжество ленинских идей?

За последние годы она создала галерею характеров

непримиримых, принципиальных борцов за народное счастье. Такими были не только Павка Корчагин и Давыдов. Таковы Венька Малышев из нилинской «Жестокости» с его принципом: человек за все в ответе, что происходит в нашей стране; юный Правдоха — герой одноименного рассказа А. Глебова, бесстрашный маленький правдоискатель, который всем сердцем верит, что революция совершилась ради торжества правды на земле; учитель Дюйшен из повести Ч. Айтматова «Первый учитель», малограмотный красноармеец, объявивший войну дикости, изуверству, темноте, войну за души киргизских дехкан; главнокомандующий крестьянской армией Ефрем Мещеряков из романа «Соленая падь» С. Залыгина.

Молодых всегда отличает тяга к высокому, истинному, прекрасному. С увлеченностью, затаенным восторгом слушают они о легендарном времени нашего революционного прошлого, о времени Веньки Малышева и Павки Корчагина, Мересьева и молодогвардейцев.

Но вот в чем сложность. Почти в каждой детской или юношеской аудитории, где идет увлеченная беседа о нашей славной революционной истории и, конечно же, называются имена Корчагина и Давыдова, Мересьева и молодогвардейцев, возникает один и тот же вопрос: «Павка Корчагин жил и боролся в революционные двадцатые годы, а где же в современной нашей литературе характер, подобный корчагинскому?»

А однажды группа молодых читателей опубликовала на страницах «Литературной газеты» открытое письмо редакции журнала «Юность», где прямо спрашивала: почему на страницах этого журнала нет нового Павки Корчагина? «Юность» пригласила авторов письма в редакцию, где состоялся страстный заинтересованный разговор о герое нашего времени, о героическом характере в современной литературе. И в тот самый момент, когда выступавший секретарь комитета комсомола напористо потребовал: дайте нам снова Павку Корчагина — один из присутствующих на встрече писателей,— умудренный жизнью, уже седой человек — извинившись, перебил его неожиданным вопросом:

— Простите, молодой человек, у вас на руке — кольцо?

— Да,— озадаченно подтвердил выступающий.

— А галстук у вас, извиняюсь, нейлоновый, импортный?

— Нейлоновый,— согласился оратор.

— А вы знаете, что Павка Корчагин мог бы вам даже руки не подать?

Что стояло за этим коварным вопросом? Мысль, будто корчагинские характеры в современной нам жизни уже не нужны?! Конечно, нет. Имелось в виду другое: невозможно механически перенести характер Павки Корчагина, принадлежавший своему суровому, аскетическому времени («Мир хижинам, война дворцам!»), когда и в самом деле кольца, галстуки, шляпы и духи расценивались как признак буржуазности, в эпоху современных 70-х годов. Проблемы, противоречия нашего времени во многом иные, чем в пору 20-х годов. Каждая эпоха бьется над своими, ей принадлежащими «проклятыми» вопросами — и при всем единстве и последовательности революционной цели вырабатывает свой конкретный революционный идеал. Задача (и трудности этой задачи) не в том, чтобы механически перенести в наше время характеры Павки Корчагина, Веньки Малышева или двадцатипятитысячника Давыдова. Она — в другом: увидеть в сегодняшней нашей действительности характеры, в современных формах борьбы продолжающие традиции Корчагина. Что значит продолжать дело Павки Корчагина? Когда я несколько лет тому назад задал этот вопрос в одной школьной аудитории, мгновенно взметнулась рука, и мальчуган-восьмиклассник с готовностью отчеканил: «Ехать во Вьетнам!..»

Ответ понятный. Ну, а как продолжать дело Корчагина в повседневной, мирной и порой такой обыденной, привычной жизни, в будничном труде? Что значит применительно к повседневной действительности быть человеком идейным, принципиальным, убежденным, непримиримым «в мире бойцом»?

Этот вопрос мучает многих молодых. Сколько раз на самых различных встречах с юными читателями слышал я утверждения вроде следующего: если бы мы жили во времена Корчагина или молодогвардейцев, и мы были бы такими же, а что значит быть похожим на Павку Корчагина сегодня, когда не свищут пули, не скачут кони, когда главное в жизни — привычный и обыденный восьмичасовой рабочий день? Одна девочка на читательской конференции в городе Куйбышеве прислала мне, к при-

меру, следующую записку: «Товарищ критик! Вы говорите, что и сегодня жить надо так, как Венька Малышев, как Павел Корчагин или капитан Новиков. Им-то хорошо было! Они сражались с белыми, с бандитами, с фашистами. А я работаю швеей на фабрике. Разве применимо ко мне все это?..»

За этим вопросом — огромной важности проблема: в чем суть гражданского поведения человека в условиях мирной, то есть наиболее естественной и нормальной жизни, в условиях повседневного труда? Что значит продолжать наше революционное дело, дело Корчагина и молодогвардейцев в современную эпоху, эпоху будничной работы по созданию нового общества? Здесь таится и ответ на немаловажный вопрос о герое нашего времени, Павке Корчагине наших дней.

От точного, истинного и искреннего ответа на этот вопрос зависит многое в завтрашней судьбе молодых. Зависит главное: гражданская позиция в жизни.

Но прежде чем попытаться дать ответ на этот вопрос — характере героического, гражданского поведения человека в условиях будничного труда,— я хотел бы напомнить о другом: не надо думать, будто повседневная жизнь в ее мирном развитии не создает таких исключительных обстоятельств, которые требуют мужества, храбрости и героизма, ничуть не меньших, чем в условиях войны. Не говоря уже о том, что при всем нашем миролюбии, при всех наших условиях сохранить мир на земле мы всегда должны быть готовыми к подвигу самопожертвования во имя защиты Родины.

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ

«Подвиги бывают не только на войне, на пожаре, при испытании нового самолета... Подвиг — это и отстаивать свои убеждения...»

Эти слова я прочитал в одном из школьных сочинений. Тема его: «В жизни всегда есть место подвигу. Ты согласен с этим утверждением?»

372 московских десятиклассника по-разному ответили в своих сочинениях на этот вопрос. Условием ответа была полная искренность, свобода выявления мнений. Методист Института усовершенствования учителей, пре-

подаватель литературы Л. С. Айзерман познакомил меня с работами десятиклассников, равно как и с собственными выводами, к которым пришел в результате эксперимента,— они легли в основу его статьи, опубликованной в «Юности».

Итак, как же понимают подвиг авторы сочинений? Здесь нет единства мнений, именно поэтому-то сочинения десятиклассников дают богатую пищу для размышлений.

Впрочем, как справедливо пишет Л. С. Айзерман, при всей остроте споров и разногласий в работах есть и много общего. Прежде всего трепетное и уважительное, можно сказать, священное отношение к подвигу, как безусловной и конечной проверке самоценности человеческой личности. Все работы объединяет одно, подчеркивает педагог: высшая мера подвига, самый бесспорный образец его — подвиг Великой Отечественной войны. Это не дискутируется, это принято сердцем как исходная аксиома.

И вторая мысль, которая, по наблюдению Л. С. Айзермана, красной нитью проходит через все сочинения — о бескорыстии подвига.

— Мне кажется, что подвиг заключается в том, чтобы в нужный момент собрать все свои внутренние силы, забыть свои личные интересы во имя интересов окружающих тебя людей, суметь взять себя в руки и делать нужное и важное дело, исполнение которого принесет, возможно, счастье, радость другим, спасет их от опасности, спасет им жизнь или просто принесет им какую-то пользу.

— Не всякий яркий и смелый поступок можно считать подвигом. Нельзя же назвать подвигом отважный поступок, который был совершен лишь для собственной выгоды. Подвиг — это самоотверженный поступок, совершенный во имя высокой идеи, на пользу общества. Самоотверженный подвиг героев Великой Отечественной войны приблизил победу нашего народа над врагом, то есть эти поступки были совершены на благо своего народа, своей Родины. Поступок, совершенный не ради личной славы, не ради обогащения, не из-за каких-то корыстных побуждений, а из-за любви к Родине, к народу, можно назвать подвигом.

— По-моему, Матросов, закрыв грудью пулемет, не думал, что его будут помнить. Талалихин пошел на та-

ран не из-за славы, он не хотел пропустить фашистов на Москву.

— Герой не может, не должен извлекать пользы для себя из всего совершенного им.

— Если человек делает что-то ради себя даже в самых трудных обстоятельствах,— это не подвиг.

Многие авторы сочинений отрицают подвиг, если он совершается ради славы, во имя своего Тулона, и вспоминают Андрея Болконского во время Аустерлицкого сражения, когда он, думая о славе, бросается со знаменем вперед.

— Что же такое подвиг? Это то, что совершает человек, не думая о том, что он совершает подвиг, а думая о результате сделанного.

— Я думаю, что тот человек, который совершает какой-то поступок и думает, что его поступок — подвиг, а он — герой, не герой, а его подвиг — лжеподвиг.

— Подвиг должен совершаться по велению сердца. А если человек, увидев бедствие, думает о том, что он сейчас совершит подвиг, то это уже нехорошо.

По справедливому наблюдению Л. С. Айзермана, категоричность этих суждений продиктована тем нравственным максимализмом, той незамутненной чистотой помыслов и чувств, которая свойственна юности — нашей, советской юности.

Итак, подвиг на поле сражения, подвиг в годы Великой Отечественной войны ни у кого сомнения не вызывает.

— Но все это было в трудное военное время,— говорится в одном из сочинений.— А как быть сейчас? Какой можно в мирное время совершить подвиг? Конечно, вынести человека из огня, спасти утопающего или обнаружить опасного преступника — это подвиги мирного времени. Ну, а если нет пожара и никто не тонет и не совершает преступлений, что тогда?

Здесь мы подошли к центральной проблеме, которая встала перед ребятами: всегда ли есть место подвигу?

365 сказали: да. 7 ответили на этот вопрос отрицательно. Вслушаемся в аргументацию тех и других.

Прежде всего, какой смысл большинство авторов сочинений вкладывают в понятие подвига, совершаемого в условиях повседневных буден?

— Работая честно, человек делает свой вклад в общее дело. Этим он совершает подвиг.

— Человек, влюбленный в свое дело, отдающий ему все свои силы, не представляющий без него своей жизни, по-моему, совершает подвиг.

— Миллионы людей разных специальностей и профессий объединены одним: все они болеют за дело, которое им поручено. Я думаю, что их можно назвать героями.

— Совсем не обязательно, чтобы совершить что-нибудь очень трудное, суровое, мужественное. О большинстве подвигов не написаны книги, о большинстве подвигов не пишут даже в газетах. Они — в элементарном исполнении повседневных обязанностей. В наше время подвиг и состоит в том, чтобы просто делать то, что тебе положено.

— Что бы ни делал человек: строил заводы, дома, сеял хлеб, летал в космос — он совершает подвиги.

— Если человек живет не только для себя, а помогает чем-то и другим, то это тоже в какой-то степени подвиг.

Подвиг ли?.. Является ли подвигом «элементарное исполнение повседневных обязанностей», свершение чего-то «хорошего, доброго, полезного людям»?

А может быть, это — норма поведения, обязательная для каждого человека? Вы ощущаете, как идет постепенное снижение, «заземление» самого понятия подвиг? Правильно ли это?

Сомнение в столь «заземленном» понимании подвига звучит и в некоторых сочинениях.

— Человек добросовестно и честно относится к своей работе. Он не делает ничего сверхчеловеческого, а просто работает на совесть. В таком случае его работа будет лучше других, он выделяется. Герой? Подвиг? Не слишком ли «громко» все получается? Да, есть немножко. Мне бы хотелось хорошую, честную работу назвать не трудовым подвигом, а просто хорошей нормой для каждого... Придет такое время, когда такая работа будет действительно нормой, и подвигами будут называть уже что-то другое, более необычное для того времени. Сейчас же мы еще не можем назвать нормой абсолютно для каждого честную, добросовестную работу. Людей, так

работающих, много, но не все. Так должен работать каждый, это долг каждого, но делают так не все. Итак, я приравниваю честное, добросовестное отношение к порученному заданию, работу с душой, самоотдачу в труде к тому, что у нас обычно называют трудовым подвигом.

Как видите, девушка как бы ведет здесь спор сама с собой. Она понимает, что хорошую, честную работу правильнее назвать «не трудовым подвигом», а нормой, «нормой для каждого». Но все ли соблюдают такую норму? Пока еще не все. И поэтому честное, добросовестное отношение к своему делу она приравнивает к подвигу.

А отсюда — один шаг до утверждений наподобие следующих:

— Подвиг ученика — хорошо учиться. Подвиг преступника — в какой-то мере (по-моему) не делать преступлений и стать честным тружеником. И моим подвигом будет то, чтобы стать образованным культурным человеком.

— Принято считать, что подвиг — это что-то героическое, необычное, сразу бросающееся в глаза. Я с этим не согласна. Если человек закрывает своей грудью амбразуру вражеского дзота, то это подвиг. Если учитель всю свою жизнь отдал детям,— это, по-моему, тоже подвиг. Матросов отдал свою жизнь для спасения жизни своих товарищей. Учитель отдал свою жизнь для того, чтобы вырастить настоящих людей.

«Согласен,— вступает в спор учитель,— у каждого времени свои подвиги. Согласен, в будничной трудовой жизни есть место подвигу. Согласен, есть подвиги неброские, внешне неприметные. Но я не могу согласиться с тем, что мой повседневный учительский труд равен героическому подвигу Матросова, с тем, что сегодня отдать больному кровь — это не меньше, чем в сорок первом подымать роту в атаку, с тем, что работать честно и молчать под пыткой на допросе — равнозначно. Нет, не согласен. Да, героическое время — не только время войны, но и время мира. Но будем же и мирный подвиг мерить высокой мерой Великой Отечественной!»

С его точки зрения, за этим — девальвация самого понятия подвига, когда чуть ли не все — добросо-

вестность, честность, порядочность — приравнивается к героическому, тенденция тем более тревожная, что она проявилась более чем в половине рассмотренных им сочинений.

Кстати, именно такой взгляд на подвиг обуславливает в других сочинениях отрицание его: крайности сходятся.

— Иной раз можно прочесть: «Трудовой подвиг учителя Сундукова». Этот самый Сундуков проработал в школе 40 лет. Нет, это не подвиг, это работа, а работать должен каждый человек.

— Живет в городе, работает, например, продавец. Здоровье не позволяет ему ехать на передовые стройки или целину. Ну, что он может сделать? Не представляется ему случай спасти ребенка из-под колес поезда или помочь утопающему. Он хороший работник, пусть даже ударник коммунистического труда. Но какой подвиг может совершить продавец? Работать по-коммунистически? Это, я считаю, обязанность каждого человека (не все эту обязанность выполняют), но ведь это не подвиг.

— Подвиг — это действие (дело, деяние) какого-либо человека, совершенное им бескорыстно, в условиях, вредных или смертельно опасных для него, в условиях, когда это действие могло привести к каким-либо результатам, полезным или жизненно необходимым для окружающих его людей. Такие условия являются исключительными, обычно они возникают в ходе или результате каких-то необычных ненормальных событий (как-то: война, пожар, наводнение и т. п.). Например, образец подвига — подвиг Данко.

Эти высказывания — из числа тех семи сочинений, авторы которых на вопрос: всегда ли есть место подвигу? — ответили отрицательно.

Как видите, их ответы далеки от цинизма, в них звучит глубокое уважение к человеческому подвигу и вместе с тем уверенность, что он возможен лишь в обстоятельствах исключительных. Подвиг в их представлении всегда связан с риском, самопожертвованием, героической борьбой.

— Нельзя считать героями всех тех, кто сознательно и честно трудится. Героизм характеризуется одной важной чертой: риском, самопожертвованием. Если человек,

совершивший из высоких побуждений полезное дело, рисковал жизнью или даже пожертвовал ею, это уже подвиг.

Разве наши повседневные будни, наш досуг, наше дело не есть постоянная, отнюдь не легкая, напряженная борьба?

И разве в этой борьбе не требуются героизм и мужество — мужество особого рода, мужество гражданское?

Мы часто говорим о гражданственности, подразумевая под этим нечто возвышенное, громогласное, иногда и риторичное. Гражданственность мы сводим порой к звонкому, публицистическому слову. В действительности гражданственность — это прежде всего дело и борьба. Да, конечно, гражданское проявление личности начинается с честного отношения к своим обязанностям. Но необходимо уточнение. Бывает честность личная, когда человек добросовестно выполняет порученную ему работу, не заботясь ни о чем другом. Бывает честность общественная, которая не ограничивается добросовестностью, но являет собой ответственность,— личную ответственность человека за общее дело, за народный интерес в великом или малом, все равно.

Это качество личной, гражданской ответственности за жизнь, за общее дело, качество гражданской честности, а когда нужно, и гражданского мужества в борьбе за наше общее дело воспитывает в советских людях наш, социалистический строй.

«Советский строй,— говорил в своем докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма» Л. И. Брежнев,— воспитал у трудящихся преданность делу социализма, коллективизм, чувство хозяина своей страны. Но быть хозяином — значит наряду с большими правами иметь и большие обязанности. Это значит нести высокую ответственность не только за свой личный труд и поведение, но и за дела коллектива, предприятия, всей страны. Воспитание этих качеств, которые должны стать неотъемлемыми чертами внутреннего мира каждого советского человека,— одна из самых важных задач партии в коммунистическом строительстве».

Такое понимание гражданской ответственности каждого не только за себя, но и за дело коллектива, предприятия, всей страны предполагает верность принципам

и убеждениям, готовиость к борьбе за иитересы дела, за правду, истиpermalink истиииу и справедливость.

В воспитании подрастающего поколеиия — в школе, в семье, в комсомоле, в искусстве — главным сегодия, на мой взгляд, становится подготовка молодых к подлинио гражданской жизнедеятельности, а если возникает необходимость, то и к граждаискому подвигу в повседневных, обыденных, отиюдь не исключительиых обстоятельствах, в условиях будничиого труда. Молодые должиы понимать, что граждаиски честиая жизнь в самых обычных условиях труда требует подчас иемалого мужества, смелости и самоотвержеиности. Она сопряжена с риском и далеко ие всегда еще завершается победой.

Размышляют ли авторы сочинеиий об этом проявлеиии героизма?

— Я думаю, что подвиг — это поступок, целью которого является устранеиие зла, насилия или несправедливости. Человек может совершить подвиг только тогда, когда он совершенио увереи в правоте того, за что ои собирается бороться. И когда появляется такая увереиность, человек с твердой волей, способиый побороть страх за свою жизиь, забывает, что у иего есть жеиа и дети. Мысль о том, что иужио устраиить зло и иесправедливость, затмевает все другие мысли.

— Самый большой подвиг, по-моему, состоит в том, чтобы навсегда оставаться верным своим убеждениям, своей мечте, уметь отстаивать эти убеждеиия, бороться за эту мечту.

— Подвиг может совершить человек, который поиимает, что такое совесть, честь и долг.

— Подвиг — это не только умеиие смело и отважно встретить смерть и умереть за Родиику, подвиг — это когда ты ие совершаешь иикаких сделок со своей совестью, когда ты можешь сказать, что вся твоя жизнь была чистой и правильной.

«Итак, в 10 сочииеииях отстаивать истиииу, бороться за правду, ие изменять убеждениям — это подвиг. В 10-ти из 372-х,— подводит итог Л. С. Айзерман.— А ведь это и есть тот подвиг, которому всегда есть место в жизии каждого человека. Это и есть тот подвиг, который иеобходим нам, как хлеб и воздух, и мужество,

которое не всегда мы находим в себе. Подсчитано, во что нам обходится бесхозяйственность. Выражены в рублях убытки от брака. Но кто подсчитает, сколько и материально, и духовно мы платим за отсутствие гражданского мужества?..»

«Почему же десятиклассники — через полгода они выходят в жизнь — не понимают всего значения и всего величия этого подвига, подвига гражданского, подвига во имя защиты идей?» — с тревогой спрашивает учитель.

Причина того, мне думается, в недостаточном развитии их гражданского самосознания.

Для того чтобы подняться до понимания подвига гражданского, нужно многое передумать и понять, надо иметь конкретную программу действий и борьбы за лучшее будущее.

«МЫ ОТВЕЧАЕМ ЗА ВСЕ...»

Надо добиваться, чтобы каждый сознательный трудящийся, каждый сознательный рабочий, как подчеркивал В. И. Ленин, «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны».

Эти гражданские качества новой, социалистической личности и проявляются в первую очередь в труде, в отношении к своему делу, в уровне профессионализма, умения, творчества, принципиальности, требовательности к себе и другим.

Конкретная, практическая задача коммунистического воспитания сегодня в том прежде всего и состоит, чтобы «все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии... в полной мере проявляя свои способности, инициативу, хозяйственную сметку», чтобы каждый чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности.

В этом проявляется практически наш современный революционный, коммунистический идеал, наша верность высоким подвижническим традициям дедов и отцов. Это также борьба, но в ее качественно новых формах. Борьба за новое, прогрессивное, подлинно коммунистическое. Борьба с рутиной, застоем, расхлябанностью, консерва-

тизмом, бюрократизмом, мелкобуржуазной, мещанской нравственностью и моралью, со всем тем, что мешает движению нашего общества вперед.

В. И. Ленин завещал нам непреходящие уроки такого рода борьбы.

В качественно новых условиях — условиях начинавшегося социалистического созидания — Ленин по-новому осмысливает гражданские качества революционера-борца, формирует новые критерии партийной, революционной деятельности.

В сравнении с годами подполья и гражданской войны меняется сам тип партийного поведения личности, новым содержанием наполняется понимание партийности: «Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача». Истинные революционеры ныне те, подчеркивал Ленин, кто не только проповедует социализм для других, но и умеет осуществлять его, умеет коммунистически хозяйничать.

«Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание...— характеризует Ленин особенность времени.— Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи».

Ленин не только требовал от коммунистов овладевать искусством практики строительства, практики хозяйствования, он учил тому личным примером. Говоря словами Б. Галина, он был «великим строителем» и являл собой образец коммунистического отношения к труду. «Строитель нового мира» — так назвал свою книгу очерков о Ленине Б. Галин. В книге этой на первом плане Ленин — работник, созидатель, творец, практик социалистического строительства. Руководитель, выдвинувший перед партией, рабочим классом и вместе с народом осуществляющий главенствующую, великую задачу социалистического созидания.

Эпиграфом в книге очерков Б. Галина «Строитель нового мира» предпосланы слова М. Горького: «Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал».

На протяжении долгих лет очеркист вникал в факты

миогогранной жизни Ильича, собирая, изучая малейшие крупицы событий, связаниых именно с практической деятельностью великого созидателя Советского государства. Рассказы рабочих, ииженеров, ученых, живых свидетелей воплощения ленинских замыслов — в Кашиие и Ярополье, на подмосковиой «Электропередаче» и на «Трехгорной мануфактуре», статьи, письма и записки самого Ильича составили документальную основу кииги Галина. Книги, показывающей, как «азарт юности», все великие и неповторимые черты натуры Ильича по-новому раскрылись в условиях мирного строительства, в практических буднях созидания нового общества.

Идет ли он по опытному полю совхоза, где осенью двадцать первого года впервые испытывался электроплуг, беседует ли с рабочими, которые ранней весной девятиадцатого года сделали первый почин — вышли на коммунистический субботник, смотрит ли вместе с Горьким в Кремле документальный фильм о гидроторфе, искрение радуясь крупнейшему техническому изобретению, помогая потом внедрить его в жизиь, едет ли в Кашино на открытие электростанции, осветившей своим «иеестествеиным светом» глухую русскую деревню,— во всех этих больших и «малых» делах, утверждает Б. Галин, видна неукротимая энергия Ленина, жаждавшего строить новый мир во имя человека, во имя коммуиизма.

Один из лучших очерков кииги — тот, который назван горьковскими словами «Азарт юности»,— посвящен борьбе Ленипа за гидроторф, той помощи, которую оказывал Ильич инжеиеру Классоиу, разрабатывавшему новую технологию добычи торфа... Леиии видел в этом одио из возможиых решений топливного кризиса в стране и, более того, реальиую помощь в деле электрификации России. Какой бурлящий каскад энергии — целеустремленной, великолепно организованной, волевой — демонстрирует нам очеркист, прикоснувшийся лишь к одной из забот, волновавших Ильича в 20-е годы. И что удивительно, Ленин не только прилагает массу сил и энергии, чтобы в кратчайший срок «продвинуть» изобретение Классоиа, он стремится вдохиуть волю к борьбе, волю к победе в сердце самого Классоиа. Его тревожит, сумеет ли Классон, беспартийиый инженер, достаточио упорио и настойчиво бороться за иовый способ добычи торфа.

«Я боюсь,— пишет Леиин Классону,— что Вы — изви-

ните за откровенность — не сумеете пользоваться постановлением СНК о Гидроторфе...

Чтобы использовать как следует постановление СНК, надо:

1) беспощадно строго обжаловать вовремя его нарушения, внимательнейше следя за исполнением и, разумеется, выбирая для обжалования лишь случаи, подходящие под правило «редко, да метко»;

2) от времени до времени — опять-таки следуя тому же правилу — писать мне (NB на конверте: **лично** от *такого-то* по такому-то делу)...»

А когда Ильич получил от Классона письмо с растерянными строками о волоките и бюрократизме,— ответ был резок и недвусмыслен: «...удивлен Вашим письмом. Такие жалобы обычно от рабочих, не умеющих бороться с волокитой. Ну, а Вы?..»

Сам Ильич «умел бороться» с волокитой и бюрократизмом и делал это с беспощадностью.

«Немедленно арестовать Когана, члена Курского центрозакупа, за то, что он не помог 120 голодающим рабочим Москвы и отпустил их с пустыми руками,— телеграфирует он 6 января 1919 года в Курскую чрезвычайную комиссию.— Опубликовать в газетах и листками, дабы все работники центрозакупов и продорганов знали, что за формальное и бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела».

«Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим».

Его письма и статьи последних лет полны ненависти к бюрократизму. «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся».*

Ленин требовал активной защиты интересов пролетариата, интересов рабочего государства от «бюрократических извращений», которые считал порождением мелкобуржуазного сознания и бескультурья, квинтэссенцией

мещанского эгоизма и равнодушия к интересам народа. В облике и деятельности бюрократа Ленин видел «привычно старое, эгоистическое направление».

Он неоднократно подчеркивал неразрывную связь бюрократизма с карьеризмом, с мелкобуржуазным сознанием. Он писал, что преодолеть бюрократизм в стране, где сильно мелкобуржуазное сознание, вовсе не просто.

Отвечая в 1921 году на письмо М. Соколова, в котором тот призывал «стереть с лица земли тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами», Ленин писал:

«Можно прогнать царя,— прогнать помещиков,— прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшать*... Его можно лишь *лечить*».

В письме Соколова Ленин ощутил нечто похожее на «отчаяние», заметил и «дух уныния», потому что тот два-три раза попробовал бороться с бюрократами и потерпел поражение. «Во-первых, отвечаю я на этот неудачный Ваш опыт,— во-1-х, надо не 2—3, а 20—30 раз пробовать, повторять, начинать сначала.

Во-2-х, где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы — ловкачи, многие мерзавцы из них — архипройдохи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? по всем ли правилам военного искусства *окружили* «врага»?»

Особенно не терпел Ленин брюзгливости, дешевого критиканства тех, кто, стоя в сторонке, ничего практически не делая, принимал позы «критически-мыслящих личностей».

Обращаясь к одному такому критику, Ленин спрашивал: «Где вы указали Центральному Комитету **такое-то** злоупотребление? и такое-то *средство* его исправить, искоренить?

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидали кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия... А мой совет в отчаяние и в панику не впадать».

С точки зрения Ленина, только «размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла», пролета-

рий же, коммунист, «видя зло, берется деловым образом за борьбу...».

Ленин всегда требовал партийного, то есть активного отношения к «бедствиям», «болезням» и «злу», целеустремленной и последовательной борьбы с ним. Он требовал эту борьбу «ставить не в плоскости критики ради критики, а в плоскости деловых указаний методов этой борьбы, а еще лучше — в плоскости действительной борьбы в тех учреждениях, где критикующие товарищи работают, и сообщений о результатах и уроках этой борьбы».

Качество партийности в новых условиях, условиях социалистического созидания, проверяется, с точки зрения Ленина, не только умением коммунистов грамотно вести свое повседневное, сугубо практическое дело, но и мерой гражданской ответственности, самостоятельности, инициативы, умением в борьбе отстаивать общенародный интерес. Он требует «ценить самостоятельных людей», умеющих настоять на своем, добиваться своего. Первоочередное требование Ленина к коммунистам в этой новой исторической обстановке — сохранять качество борца. Но это — новая, неизвестная вчерашним подпольщикам и революционерам, а потому особенно трудная борьба.

Чрезвычайно показательно в этом отношении письмо Ленина хозяйственному работнику И. К. Ежову от 27 сентября 1921 года. Письмо было ответом на записку Ежова, который жаловался на многовластие и борьбу отдельных ведомств между собой, «на море бумаги, которое пришлось исписать» по одному конкретному практическому делу. Кончалась записка словами: «Боюсь, что, если сам В. И. Ленин не вмешается в эту возмутительную волокиту, дело так и не кончится. Ведь я уже чуть не десять раз доводил дело, казалось, до конца, а еще снова конца не видно».

Вот что ответил Ежову Ленин:

«В волоките я не могу не винить и Вас. «Три года кричим», «доводил чуть не 10 раз, **казалось**, до конца», пишете Вы. Но в том-то и дело, что *ни разу* Вы не довели дело *до конца* без «казалось»...

Эта борьба трудна, слов нет.

Но трудное не есть невозможное.

Вы опускали руки, а не боролись, не исчерпали всех средств борьбы».

Так уже в самые первые годы строительства социа-

лизма Ленин по-новому осмыслял понятие борьбы, видоизменяя его применительно к новым революционным задачам. Он подчеркивал всю трудность этой борьбы за подлинную партийность в отношении практического народного дела, требовал самоотверженности и упорства в такой борьбе, требовал овладевать искусством борьбы.

В своем докладе на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 года, как бы развивая свои мысли, высказанные в приведенном выше письме, Ленин спрашивал: «Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться».

В последних, в тех, кто из личных, корыстных интересов «мешал бороться» за подлинно партийное, государственное народное отношение к делу, В. И. Ленин видел главную опасность для партии и требовал очищать от них партию.

Партийность для Ленина ни в коей мере не равнозначна слепой исполнительности (хотя государственная дисциплина, с его точки зрения, святой и неуклонный закон); она прежде всего — в качестве делового, государственного мышления, в убеждении верности общенародному интересу, в «рукастости», как любил говорить он, т. е. в умном, творческом, инициативном и наиболее результативном подходе к порученному партией делу, в готовности на борьбу с любой антигосударственной практикой хозяйствования, которую рождает бюрократизм, равнодушие к народу, карьеризм, индивидуализм.

Наконец, партийность для Ленина неотделима от честности, правды, совести. Ее подлинные носители — люди высокоидейные и высоконравственные, люди гражданского мужества и гражданской честности.

Понятие гражданского мужества мы встречаем уже в одной из самых ранних работ Ленина — «К характеристике экономического романтизма». Ленин спорит здесь с либеральным народничеством, один из представителей которого усмотрел в писаниях мелкобуржуазного экономиста Сисмонди, стремившегося повернуть историю вспять, «гражданское мужество». «Высказывание сентиментальных пожеланий требует гражданского мужества!» — иронически восклицает Ленин, показывая, что в действительности мнимогражданская позиция Сисмонди

«представляет пример сочетания мелкобуржуазного сентиментального романтизма с феноменальной гражданской незрелостью».

Подлинное, зрелое гражданское мужество, в представлении Ленина, всегда сопряжено с борьбой за передовые, революционные идеалы эпохи. Высшим проявлением гражданственности является коммунистическая партийность — партийность как качество нравственное, духовное, партийность как принцип поступка, активного социального действия во имя идеи, высокой общественной цели, ради блага народа.

Уже первое определение Лениным партийности — «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» — органически включает в себя, подразумевает гражданскую позицию личности.

Передовые идеи времени, которые из логического умозрения переплавлены во внутреннее убеждение, в идейно-психологическую структуру характера, в принципы жизненного поведения, в деяние, в гражданское мужество и волю к борьбе,— и составляют основу гражданственности.

Формулируя по-новому, применительно к условиям экономического созидания, свое понимание борьбы, Ленин призывал к выработке в людях гражданских качеств.

Идеал гражданина, коммуниста, борца в условиях мирного социалистического строительства, отвечающий насущной общественной потребности, с предельной ясностью выражен Лениным в самых последних его статьях — «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин». Статьи эти, как известно, посвящены реорганизации Рабкрина — Рабоче-Крестьянской инспекции, призванной в ту пору практически участвовать «в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая низшими, местными...».

Заботясь о том, чтобы сосредоточить в аппарате Рабкрина человеческий материал действительно современного качества, Ленин предлагал обратиться за опытом ко времени гражданской войны.

«Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в

Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры.

В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина».

Подчеркнув всю важность того, чтобы в органах Рабоче-Крестьянской инспекции собрать все действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, Ленин раскрывает здесь как свое понимание лучшего человеческого материала «действительно современного качества», так и условия успешной его работы:

«Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,— не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели».

Таковы, с точки зрения Ленина, лучшие люди социалистического строя, определяющие силу и моральное влияние Коммунистической партии, «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Такие люди рождены революцией, верностью идее, делу, своим внутренним принципам. Коммунистическое убеждение, революционное самосознание стало для них нравственным качеством, основой характера, переросло, говоря горьковскими словами, «в эмоцию, в несокрушимую волю, стало таким же инстинктом, как голод и любовь». Революционная идейность определяет их нравственные принципы, их совесть, гражданское мужество в борьбе за дело партии, за общенародный интерес. Таких, в первую очередь, людей, граждан коммунистической идеи, и имел в виду Ленин, когда с гордостью говорил Кларе Цеткин: «Растут новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй».

На подвиг гражданственности и сегодня идут люди идейные, мыслящие, сознательные, являющиеся совестью человеческой, люди, осознавшие свою гражданскую коммунистическую ответственность за жизнь других, за все, что происходит вокруг нас, то есть убежденные борцы.

Борцы с кем? В борьбе с каким реальным жизненным

противником выявляет себя современный герой не в литературном, но жизненном смысле, продолжающий в современных условиях революционные традиции семнадцатого года?

Чтобы дать марксистский ответ на этот вопрос, необходимо научное осмысление диалектики современного этапа развития нашего общества, тех реальных противоречий, через преодоление которых жизнь движется вперед. Лишь трезво осмысливая сложные противоречия современного общественного развития, мы можем конкретно, зримо, доказательно раскрыть перед молодыми вот этот, полюбившийся критикам и публицистам тезис — революция продолжается... Ибо революция продолжается только в борьбе, в преодолении, в непримиримости. В борьбе с реальным жизненным противником формируется современный революционный идеал, в борьбе с этим противником выявляет себя современный герой не в литературном, но в жизненном смысле, герой, продолжающий в современных условиях революционные традиции семнадцатого года.

Противостояние людей новой морали и носителей мелкобуржуазной, то есть мещанской психологии и нравственности,— такова основная нравственная коллизия современного общества. Таков наш противник сегодня, и нельзя недооценивать его силу, его цепкость, его живучесть. Вот почему этот противник заслуживает серьезного к себе отношения. Мы бездумно упрощаем порой всю реальную сложность задачи по перевоспитанию в процессе созидания нового общества.

Архитрудная задача воспитания нового человека, преодоления жадности, корысти, мелкобуржуазной психологии в душах людей не решается лишь в сфере сознания, нравственности, морали. Она будет решаться, прежде всего, упорным трудом народа, развивающего свои производительные силы, закладывающего экономический фундамент высшей фазы общественного развития — полного коммунизма. Вот почему наш современный революционный идеал не исчерпывается категориями нравственности — он включает в себя честный, самоотверженный труд, работу каждого на своем, самом скромном рабочем посту, подчиненную общенародной, общегосударственной задаче всемерного и наиболее эффективного развития производительных сил. Он включает в себя гражданское отношение к своему делу, непримиримость

к хищнической, стяжательской, мелкособственнической нравственности и психологии.

Граждански честный человек сегодня не в силах мириться с плохой работой, с приспособленчеством, карьеризмом и хищничеством тех, кто успех дела стремится превратить в успех для себя. Граждански честный человек сегодня — работник, мастер, энтузиаст, борец. Он живет и трудится в самых обыденных, повседневных, будничных обстоятельствах — в заводском цехе, в проектном институте, на колхозном поле, в научной лаборатории. Его гражданские качества проявляются в высоком профессиональном уровне, умении думать и работать, в добросовестном и творческом отношении к делу. Но не только. Граждански честное отношение к делу — это постоянная готовность противостоять всему косному, консервативному, неистинному и бесчестному. А это, как правило, всегда — борьба. Борьба с очень специфическим и трудным противником — мелкобуржуазной психологией и нравственностью, социальным эгоизмом мещанина, отличительная и весьма опасная особенность которого состоит в удивительной способности к социальной мимикрии, приспособлению к окружающей среде.

Для победы в этой борьбе требуется не только личная, но и общественная честность и порядочность, то нравственное качество, которое именуется принципиальностью. Эту потребность нашего времени в точных словах выразил писатель Георгий Садовников, который в статье «Только для себя — зачем я?» писал, что главной, определяющей чертой настоящего человека сегодня он считает принципиальность. «Заряд, степень ее, сила бывают различны в человеке. Бывает так, что тебе хватает ее лишь на то, чтобы самому никогда, ни при каких условиях не пойти на подлость: не отступиться от своих принципов, не говорить «да», если ты вчера сказал «нет», отстаивать свои позиции, какими бы бедами тебе это ни грозило. Принципиальность ли это? Конечно. Но ее хватает лишь на то, чтобы остаться чистым самому.

По-настоящему принципиальный человек не только сам не отступит, но и не даст отступить другому. Отстаивая принципы, он готов вмешаться в любое дело, к которому, казалось бы, не имеет никакого касательства. В том-то и дело, что для него нет ничего постороннего, когда речь заходит о принципах...»

Для победы в такой борьбе требуются подчас не только верность принципам, но и смелость, самоотверженность и совершенно особое — гражданское мужество.

Героизм гражданской честности, верность принципам и убеждениям, верность интересам дела, интересам народа — этот тип повседневного героического поведения не менее труден, чем доблесть, проявленная в исключительных обстоятельствах.

Вспомните, насколько сложен жизненный путь физика Крылова в романе Д. Гранина «Иду на грозу». Как много ему потребовалось воли и упорства, чтобы противостоять миру Агатовых и Денисовых, и остаться самим собой, и победить в борьбе, а не сломаться, подобно Тулину. Вспомните сцену, кульминационную сцену романа, когда катастрофа с самолетом подкосила под корень работу ряда лет, когда приехала могущественная комиссия во главе с генералом Южиным, призванная расследовать причины аварии и решить судьбу научного поиска молодых физиков. Вспомните мучительную дилемму, перед которой оказался Южин — храбрый фронтовой генерал, водивший эскадрильи тяжелых бомбардировщиков на Берлин,— его трудный нравственный выбор: закрыть тему Крылова, благо так спокойнее и все внешние обстоятельства дела за это решение, или же разрешить работать дальше, взяв трудную ответственность правильного, но опасного для собственного покоя, для карьеры, для служебного положения, мужественного и истинно гражданского решения... И Южин заколебался. Вспомните слова, наивные святые слова, которые с еле скрываемым презрением бросил ему Крылов:

— Что же вы, генерал?! У вас грудь в орденах. На фронте-то вы храбро сражались, а ведь здесь — не стреляют?

Слова, перевернувшие душу Южина. Потому что генерал Южин понял в этот момент, пишет Д. Гранин, что гражданское мужество ему дается труднее военного мужества.

Каждая эпоха требует своего героизма, и вдобавок героические начала жизни никогда не проявляются однозначно, а в различных, порой очень непростых видоизменениях.

Читателям хорошо известна автобиографическая повесть В. Титова «Всем смертям назло...», где рассказывается о подвиге в исключительных обстоятельствах,

когда с обнаженной очевидностью выявляется смелость, мужественность и чувство товарищества, способность к самопожертвованию во имя других...

Книги, раскрывающие романтику подвига в исключительных обстоятельствах, нужны нам как воздух. На таких примерах успешнее всего воспитываются гражданские добродетели — духовный остов человеческого мужества как в исключительных, так и в обыденных жизненных обстоятельствах. Ибо нет непереходимой грани между тем и другим: одно подготовляет другое.

Вот почему не менее важно в современной нам действительности видеть и пропагандировать характеры, которые являют собой пример гражданского мужества не только в исключительных, но и в обыденных, повседневных обстоятельствах жизни,— ведь, если вдуматься, эти повседневные обстоятельства есть не что иное, как процесс созидания нового общества.

Новое, коммунистическое общество растет в труде, противоречиях, борьбе. Время требует своего героизма, трудового, гражданского, героизма гражданской честности, который растет из чувства ответственности человека не только за себя, но и за наше общее дело.

Этот тип героического поведения не менее труден, чем доблесть военная, и, кстати, неотделима от нее. В основе подвига военного всегда — качества гражданские: беспринципный приспособленец не поднимется на подвиг самопожертвования. Он не пойдет на пулеметы, как и не ринется в битву за правое дело.

Но чтобы хранить верность принципам и убеждениям и быть граждански честным, активно честным человеком, надо эти принципы и убеждения иметь, вот почему героический характер современности — это прежде всего характер коммуниста, коммуниста по убеждению, коммуниста, остающегося самим собой в самых трудных жизненных обстоятельствах.

Будем реалистами. Коммунистический идеал — не манна небесная, которая падает с неба, он и сегодня осуществляется в непрерывной и трудной, подчас в очень запутанной сложностью обстоятельств повседневной борьбе. Наша задача — готовить молодых к этой борьбе, к осмысленной гражданской жизнедеятельности. Идиллическое воспитание, когда желаемое выдается за сущее, когда жизнь представляется райскими кущами, в которых остается только срывать плоды,— одна из причин

разочарования, скепсиса, уныния иных молодых. Столкнувшись с реальной действительностью и обнаружив ее противоречивость, они легко превращаются в нытиков, а то и циников. И виноваты в этом мы. Виноваты потому, что не заложили основ гражданского самосознания, не дали реального и точного представления о трудностях и противоречиях действительности, не научили осмысливать эти трудности, не помогли выработать мужественную позицию в борьбе.

Вот почему такое важное значение для воспитания молодых приобретает сегодня высокое слово идейность в истинном, ленинском понимании его,— мы обязаны вернуть изначальный смысл таким высоким словам и понятиям, как гражданские убеждения и человеческие идеалы. Мы должны вырабатывать в душах молодежи презрение к приобретательству, жажду подлинных духовных ценностей, высоких гражданских убеждений. Чем лучше, чем обеспеченнее мы будем жить, тем большее значение будет приобретать уважение к тому, что называется «подлинными человеческими ценностями». Нельзя не разделить тревогу Виктора Розова по поводу того, что многие из молодых подлинные человеческие ценности подменяют суррогатом — погоней за материальными благами жизни, поклонением вещам. «Предметы роскоши, комфорта, дорогие модные вещи только тогда имеют право на существование в руках владельца, когда они явились побочным результатом больших усилий человека в сфере совсем иной деятельности,— пишет В. Розов.— Поясню: молодой человек увлечен математикой, это его призвание, его страсть, его творческий смысл жизни. Он добивается серьезных успехов в избранной им области знаний, завоевывает признание людей, труд его оплачивается высоко, и, когда он окружает себя ценными дорогими вещами, это не кажется вульгарным, потому что не они для него главное. А если бы в юности этот же человек направлял свою умственную, духовную и даже физическую энергию не на науку, а на жадное желание иметь модные ботинки и рубашки, на покупку какого-нибудь дорогого транзистора или магнитофона — поскольку это, мол, признаки преуспевания,— то с уверенностью можно сказать, что не было бы чудесного ученого, а в лучшем случае был бы лишний спекулянт от науки... Я хочу, чтобы каждый человек был свободен от материального недостатка, но недопустимо, когда по-

гоня за материальными благами жизни становится самим смыслом жизни. Это абсурд и чертовщина!»

Это, пожалуй, хуже, чем абсурд и чертовщина. Это — предательство по отношению ко всему истинно человеческому, по отношению к человеку, по отношению к духовным идеалам человечества. Сегодня уже мало личной брезгливости к приобретательству и прочей честной и бесчестной чичиковщине. Время требует от каждого вступающего в жизнь,— если он стремится быть граждански честным человеком,— непримиримости и борьбы.

— Кем ты будешь, кем ты хочешь быть? — часто спрашивают родители своего подрастающего питомца.

Каким ты будешь? Каким ты хочешь и сможешь стать? Эти вопросы неизмеримо важнее первого, потому что от ответа на них зависит главное: человеческая ценность будущей личности.

Вырастет ли он холодным и бездушным, низменным и корыстным, озабоченным лишь собой, собственным успехом, собственным благополучием?

Или честным и человечным, высоким душой, готовым к борьбе за правду, истину и справедливость?

Гражданин или мещанин — середины тут нет, ибо в мире существует лишь две нравственности, две морали, две философии жизни: бесчеловечная мораль корысти и приобретательства и новая, истинно человеческая, коммунистическая мораль.

И хотя в нашей стране уничтожены социальные корни мещанской, мелкособственнической психологии и морали, она пока живет и посягает на души молодых.

Мещанская психология опасна своей цепкостью, своей способностью к ползучей экспансии, своей внешней, казалось бы, безобидностью и умением приспособиться. Вспоминаю дорожный разговор, нечаянным свидетелем которого я был. Разговаривали двое: лейтенант в новеньких сияющих погонах и его ровесник, студент с полудетским личиком, в очках, поразивший меня разносторонностью эрудиции.

Я даже позавидовал ему: мы, дети военных лет, начинали студенчество с неизмеримо меньшим запасом сведений о живописи, музыке, литературе.

Незаметно для меня интеллектуальный разговор, который собеседники вели в полный голос, перешел на чисто практическую стезю: «А сколько вы получаете?» — спросил студент лейтенанта.

— А полковник?
— Столько-то.
— А сколько лет надо, чтобы дослужиться до полковника?

Ответ лейтенанта явно не удовлетворил его собеседника.

Он покачал головой и сказал:

— У нас быстрее. Кончу институт, защищу кандидатскую, еще через пять лет — докторскую — и имею свои пять кусков.

— А зачем тебе такие деньги? — несколько озадаченно спросил лейтенант.

— Как зачем?.. Обзаведусь семьей. Две в загашник. Машина, дача...

Я взглянул в его внимательные жесткие глаза и подумал: этот защитит. И кандидатскую, и докторскую, и будет говорить на собраниях красивые и правильные слова. Трудно будет докопаться до истинной сути этого целеустремленного, старательного, образованного научного работника — до этих самых «пяти кусков». Но они будут проявляться во всем: в беспринципности и отсутствии убеждений, в грубости и неуважительности к подчиненным, в подобострастии к начальству, в воспитании детей, которых он будет растить по облику своему.

Для такого человека общество и коллектив не более чем питательная среда, ступеньки для движения вверх — к благосостоянию и славе. Это личность антиобщественная, хотя и выросшая в советской семье, в советской школе и комсомоле.

Таков наш враг сегодня — современный мещанин, корыстолюбец, приспособленец, карьерист. С достаточной ли последовательностью готовим мы молодых, вступающих в жизнь людей к завтрашней борьбе с ним?

В ответах на вопросы цитировавшейся выше анкеты, результат которой обобщен в статье «Понятны ли привычные слова» («Народное образование»), некоторые старшеклассники пишут: «Карьерист знает, чего он хочет в жизни».

За такими ответами стоит нечто большее, чем просто непонимание смысла «привычных слов». За ними — непонимание смысла истинных ценностей жизни, как нравственных, так и идейных, полное смещение критериев и представлений о жизненном и высоком, о добре и зле

в их реальных проявлениях в современной нам действительности. Можно со всей ответственностью сказать, что семья и школа не выработали в душах этих ребят брезгливости к приобретательству, карьеризму, приспособленчеству, презрения к низменной бездуховности своекорыстного существования, уважения к подлинным жизненным идеалам. Не подготовили их к тому, чтобы встретить жизнь достойно, занять гордую позицию истинно нравственного человека, гражданина, борца.

Растет человек... Но вырастет ли он человеком? От чего и от кого это зависит?

Прежде всего — от родителей, от семьи, от школы. От той нравственной и духовной атмосферы, которая окружает его с самых ранних лет.

Воспитание гражданина — это всеобъемлющий процесс, который начинается с азов нравственности, с, казалось бы, элементарных и таких трудных основ истинно человеческого поведения и завершается выработкой гражданских убеждений, цельного мировоззрения, собственного взгляда на жизнь.

Вершиной гражданской убежденности является активность жизненной позиции, непримиримость и мужество в противостоянии злу. Именно в этом — в борьбе со злом жизни в разнообразнейших формах его современного проявления — проявляется сегодня верность революционным традициям, наш революционный гуманизм.

Идеалы и убеждения — та грань, которая отличает гражданина от мещанина. Лишь они сообщают человеку подлинную духовность, делают осмысленной его жизнь.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?..

Но что это такое — мещанство?

Вопрос отнюдь не праздный, как может показаться на первый взгляд. На страницах нашей периодики он звучал не однажды. С ним обращался в «Литературную газету» токарь завода имени Владимира Ильича А. Кубарев и сам ответил на него так: «Мы иногда называем человека мещанином, если у него плохо развит вкус, называем мещанскими сусальные росписи на посуде, плохую, громоздкую, купеческого стиля мебель...

Нет, мне кажется, что сегодня мещанство — это не

только аполитичность, плохой вкус и домостроевские привычки.

Нет, сегодня мещанин — не обязательно тунеядец. «Загруженный» с утра до вечера работник, который тем не менее не затрачивает ни капли своего сердца за новое, передовое, тоже не что иное, как разновидность мещанина».

В поисках ответа на вопрос, что же такое мещанство, «Литературная газета» провела даже дискуссию на эту тему. Причем некоторые участники ее договорились уже до того, будто проблема мещанства для нашего времени надуманная, что в наших условиях, в нашей современности мещанина как такового вообще нет.

«Реальный противник или козел отпущения?» Так назвал одну из своих статей о мещанстве Л. Жуховицкий, озадачив читающую публику криминальным сомнением: а был ли мальчик-то?.. Может, мальчика-то и не было? «Может быть, мы просто придумали себе соломенную куклу и с наслаждением лупим по ней палками для отвода души?» Занятие, по мнению автора статьи, бессмысленное, потому что:

а) «Понятие «мещанина» утратило сколько-нибудь отчетливые очертания».

б) «Стрелы, самозабвенно пущенные нами в синее небо (поскольку никто не знает, что же это такое — мещанство.— *Ф. К.*), не всегда на землю падают. Иногда они падают, к сожалению, в хороших людей».

в) «Яростная стрельба по столь неопределенной мишени отвлекает нас от трезвого анализа реальных трудностей и недостатков», от борьбы с «конкретными их носителями»: бюрократами, жуликами, карьеристами, приспособленцами...

«Не козел отпущения, а реальный противник!» — урезонили парадоксалиста Л. Жуховицкого его оппоненты. И даже попытались дать то самое «точное определение» мещанина: «... В возникновении индивидуализма как мироощущения и мировоззрения надо искать корни и суть мещанства...»

И тут возникает законный контрвопрос: «Неужели и Онегин мещанин? — коль скоро уж он-то полный индивидуалист».

Я разделяю законное раздражение Л. Жуховицкого и его оппонентов тем, что короткое слово «мещанин»,

в его переносном значении, «растянулось в такую нить, что ни начала, ни конца ее не видишь».

Но я сомневаюсь в логичности того вывода, который они делают из этих вполне справедливых посылок: коль скоро слово «мещанин» употребляется весьма неопределенно и приблизительно, проблему мещанства следует снять, а бурную и многогранную «антимещанскую» деятельность прекратить...

Начнем с того, что не всеми и не всегда понятие мещанства употреблялось неопределенно и приблизительно. Вспомним хотя бы прозу Чехова и Горького, или, скажем, «Баню» Маяковского и «Гадюку» А. Толстого, где очертания и характер того социального явления, которое именуется «мещанством» проступают вполне отчетливо. Как прикажете поступить с «бурной и многогранной «антимещанской» деятельностью» этих (и других) писателей? С антимещанским пафосом русской и советской литературы? Или, может быть, его тоже не было? Или он имеет сегодня лишь историко-литературное значение, ибо настали, наконец, времена, когда мещанин из «реального противника», каким он был для Горького и Маяковского, превратился в «соломенный миф»?

Ах, какое счастье, если бы это и в самом деле было так!

С точки зрения этимологии слова «мещанин», «мещанство» были, как известно, социальными терминами, обозначавшими «третье сословие» и прежде всего городскую мелкую буржуазию. Но будучи переосмысленными в языке, они постепенно утратили изначальный ограничительный смысл, приобрели образный характер, эмоциональную окраску, стали достоянием и компонентом не столько научной или казенно-бюрократической, сколько литературной, публицистической и разговорной речи. И когда Маркс язвительно говорил о филистерах и филистерстве (немецкий эквивалент русского: мещанин, мещанство), то для него это был разящий саркастический образ, имеющий тем не менее вполне реальный и точный смысл.

Сохраняя свой изначальный социально-экономический смысл, понятие «мещанство» все в большей степени характеризовало духовную, нравственную (а точнее — бездуховную, безнравственную) сферу жизни мелкобуржуазного сословия. Со временем слово «мещанин» пре-

вратилось в обозначение духовного, нравственного стереотипа личности, формирующейся частнособственническими, мелкособственническими отношениями, органически принадлежащего к мелкобуржуазному сословию.

Мещанство зарождалось, писал Горький, на почве инстинктов собственности. Этим объяснял он рабскую суть личности мещанина, его бездуховность и ограниченность. Антимещанский пафос русской литературы был пафосом преодоления частнособственнического, мелкобуржуазного сознания, пафосом обличения психологии, нравственности и морали собственника — мелкого буржуа.

И когда мы говорим сегодня о мифической будто бы проблеме мещанства, мы имеем в виду именно это: судьбу мелкобуржуазного сознания, мелкособственнической психологии и нравственности в послереволюционную эпоху, эпоху созидания нового общества.

Но неужели хоть кто-то рискнет сегодня сказать, что этот вопрос — о судьбах мелкобуржуазного сознания, психологии и нравственности в условиях социализма, о формах их жизнепроявления, приспособления и мимикрии в этих новых, враждебных самому инстинкту собственности, условиях существования,— является надуманным?

В таком случае вспомним Ленина, его работы последних лет жизни, первых лет нашей революции. С какой тревогой, с каким глубоким чувством исторической ответственности пишет Ленин о той опасности, которую таит в себе «мелкобуржуазная стихия», преобладавшая в России накануне Октября 1917 года!

Борьба с этим противником, подчеркивал Ленин, еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным: «...решить военную задачу можно натиском, налетом, энтузиазмом, прямо-таки физической силой того большого числа рабочих и крестьян, которые видели, что на них идет помещик. Теперь открытых помещиков нет... Такой ясной картины, что враг уже среди нас, и что этот враг — тот же самый, что революция стоит перед какой-то пропастью, на которую все прежние революции натыкались и пятились назад,— этого понимания у народа быть не может...

Откуда народ может сознать, что вместо Колчака, Врангеля, Деникина тут же, среди нас, находится враг, погубивший все прежние революции?» — спрашивает

Ленин. Либо мы этого врага одолеем, пишет Ильич, либо он «скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос».

Размышляя о современной нравственности, о противоречиях в становлении коммунистического сознания, мы должны помнить, что революционная Россия была, в значительной степени, крестьянской и мещанской, то есть мелкобуржуазной страной. Русский рабочий класс в наиболее отсталой, неорганизованной своей части, в силу исторической молодости, также нес в себе немалый груз мелкобуржуазных традиций. Резкий рост городов в первые десятилетия Советской власти происходил за счет крестьянского населения страны, что, если помнить ленинское положение о двойственности крестьянской психологии, не могло не накладывать свою печать. Иными словами, задача коммунистического воспитания народа, которая решалась в течение почти шести десятилетий, и была задача переплавки мелкобуржуазной психологии и нравственности, извека владычествовавших на огромной территории страны. В нашей повседневной пропаганде мы часто не учитываем всего исторического масштаба и всей реальной сложности этого гигантского и неизведанного духовного эксперимента — небывало трудного еще и потому, что здесь мы имеем дело с человеческим сознанием, самой тонкой и сложной сферой — человеческой душой.

Достаточен ли срок почти шести десятилетий, чтобы мелкобуржуазная, мещанская психология и нравственность превратились в миф?

Для трезво мыслящего человека вопрос риторический.

Да, революции и социализм уничтожили социально-экономическую основу частнособственнической, мещанской психологии и морали. Социалистические общественные отношения, сутью своей формирующие нового человека, резко потеснили мелкобуржуазное сознание, скомпрометировали бездуховные мещанские идеалы, поставили мещанина в условия, ему противопоказанные. «Ловкий стяжатель, ростовщик, раб наживы и, в прошлом, строитель железной клетки государства — мещанин стал карликом»,— писал Горький еще в тридцатые годы.

И добавлял: «Но хотя он мелок, он все-таки вреден,

как вредна пыль, вредны испарения болот и газа органического вещества, которое гниет. В воздухе, которым мы дышим, немало ядовитых примесей. Это очень вредно, с этим необходимо бороться, не покладая рук».

Хотя мелкособственнические, мелкобуржуазные отношения в нашей стране канули в небытие, психология и нравственность, формировавшиеся миром собственности столь долгое время, пусть в урезанном, видоизмененном виде, продолжают жить. И отстаивать свое право на жизнь.

Разве не мелкобуржуазное, то есть мещанское сознание, психология, нравственность являются питательной средой карьеризма, приспособленчества, бюрократизма и даже «вождистского» чванства (вспомним в этой связи ленинские слова о Кавеньяках и Наполеонах)?

Кое-кто может возразить: для того чтобы именоваться мелким буржуа, «нужно владеть хоть небольшими, но средствами производства», «что в нашей стране, естественно, невозможно». Возражение это может проистекать от забывчивости. Вспомним характеристику Лениным Юркевича: «...близорукий, узкий, тупой буржуа, то есть... мещанин»,— а ведь Юркевич хотя бы и «небольшими средствами производства» не владел. Общеизвестно, что диалектика соотношения сферы бытия и сознания чрезвычайно сложна. Столь же общеизвестно, что, хотя бытие и определяет сознание, последнее в своем развитии всегда отстает от бытия. Вот почему (простите, что приходится напоминать элементарное!) ликвидация частной собственности на средства производства не означает автоматического исчезновения частнособственнического сознания, мелкобуржуазной психологии и нравственности. Эти «ядовитые примеси» еще долго будут жить в атмосфере нашей эпохи, давать самые неожиданные химические соединения и реакции, отравляющие чистоту природного воздуха ее.

Ленин предсказывал, что идейное, духовное сопротивление старого мира будет самым глубоким и самым мощным. Сопротивление это в иных формах и сферах, чем раньше, продолжается до сих пор. Эпицентром этой борьбы все в большей степени становятся психология и нравственность, человеческое сознание, человеческая душа. В противостоянии и борьбе новой нравственности с нравственностью мелкобуржуазной, то есть мещанской,— основная духовная коллизия нашего времени. Та-

ков наш главный противник сегодня — достаточно серьезный, чтобы вести разговор о нем без кавалерийской вольтижировки. В борьбе с таким противником необходима ясность понимания его сути, отчетливость собственной позиции.

И как бы мы ни жонглировали словами и понятиями в похвальном стремлении к оригинальности мысли, ответ на вопрос о сути мещанства останется традиционным по сущности своей: оно — то же, чем было в пору Чехова или Горького. Мещанство было и осталось мелкобуржуазной философией жизни, мелкобуржуазной психологией, нравственностью и моралью. Изменилась не социальная суть явления, но его жизненные позиции, обрезанные и обуженные, а главное — формы его социального бытия.

Эта мысль с предельной ясностью была выражена и читателями «Литературной газеты».

«Нельзя определять мещанство по внешним признакам,— пишет А. П. Шмелев из города Куйбышева.— Мещанство внешне многолико. Среди мещан встречаются индивиды, резко отличающиеся друг от друга по одежде, манерам, вкусам и уровню образования».

Но какие же «внутренние» признаки определяют, в понимании читателей, современного мещанина?

«Водораздел между мещанами и подавляющим большинством советских людей проходит в конечном итоге по той определенной, хотя и не всегда видимой линии, которой обозначается отношение тех или иных членов общества к «мое» и «наше», понимаемым как утилитарное, так и в более широком плане,— более подробно развивает ту же мысль москвич К. К. Шилов.— Разумеется, внешние атрибуты современного мещанина совсем теперь не те, что были раньше. Однако в своем внутреннем содержании, в своем корыстолюбии он не так далеко ушел от классического своего предтечи...

Однако трудность опознания современного мещанства в том, что оно многолико и отличается исключительной внешней приспосабливаемостью...»

Вот эти подчас совершенно неожиданные метаморфозы сегодняшнего мещанина, современные формы социального бытия мелкобуржуазного сознания, обостренные в век научно-технической революции, быстрым ростом материального благосостояния общества,— корень проблемы, главная трудность и главная опасность,

реальное поле исследования для художников и социологов.

Метаморфозы современного мещанина продиктованы не только качественно новым характером нашей жизни, но и удивительной способностью столь специфического противника к эмоциональной мимикрии, приспособлению к чуждой ему по духу окружающей среде. Смысл этой мимикрии и приспособления мещанина — в постижении таких форм общественного бытия, которые и в условиях враждебного ему социалистического общежития давали бы максимум для удовлетворения его социального эгоизма.

Пытаясь скрыть свое безобразие, зло приобретает как можно более благопристойный лик, берет порой напрокат лозунги, внешне созвучные времени и эпохе,— но суть его остается прежней.

С предельным лаконизмом и обнаженностью эта суть запечатлена в одной из пьес В. Розова — «Неравный бой» — в великолепном образе соседки, которая на всем протяжении спектакля, время от времени врываясь в действие, ищет свою козу. Своеобразным аккомпанементом ко всему ходу спектакля, где развертываются драматические события, звучит ее назойливый вопрос:

— Козочки моей не видели, ребята?.. Бяшка, бяшка, бяшка!..

И как заключительный аккорд — радостное:

— Нашлась козочка-то, нашлась! Это не мою задавило, а чужую!.. Не мою! Чужую задавило!.. Чужую!..

«Вот так в жизни и бывает,— подводит итог один из героев пьесы.— Кто-то о чем-то спорит, к чему-то стремится, на Луну лететь собирается, а другой всю жизнь ищет свою козу».

Невелико общественное зло от ветхой старушенции, являющейся социальным раритетом. Куда серьезнее такие распространеннейшие формы жизнедеятельности мелкобуржуазного сознания, мещанской нравственности, как беспринципность, приспособленчество, карьеризм. Одной из изощреннейших форм мимикрии современного мещанина является социальная демагогия, спекуляция на лозунгах и идеалах времени, которые иным преуспевателем, равнодушным ко всему, кроме личного успеха, выдаются тем не менее за свои. Но бывает и так, что мелкобуржуазное сознание искренне полагает, что оно-то и держит монополию на подлинную револю-

ционность, и приносит делу революцнн немалый вред.

И хотя с точки зрения ретроспекции корни этого зла — в прошлом, а с точки зрения перспективы оно не имеет будущего,— не следует относиться к нему с легкомыслнем и бездумьем. Здесь, как ннгде, нужен трезвый подход.

Трезвый, научный подход предполагает прежде всего принцип историзма.

Сняв проблему социального эгоизма, объявив несуществующнм мелкобуржуазное сознание и нравственность, наши публицисты волюнтаристскн опередили время, оторвались от реальной действительности нашей переходной — от социализма к коммунизму — эпохи.

Как известно, Ленин неоднократно предостерегал от наивного уравнивания низшей и высшей фазы коммунистического общества, от идиллическнх надежд наскоком решить все социальные н духовные проблемы на первой, низшей стадни развития нашего общества. В пятой главе книги «Государство и революция» В. И. Ленин приводил одно из коренных положений «Критики Готской программы» К. Маркса, посвященное социализму, как первой фазе коммунистического общества. «Мы имеем здесь дело,— писал К. Маркс,— ...не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества н которое поэтому во всех отношениях, в экономнческом, нравственном и умственном, носнт еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло». Маркс указывал здесь, что социализм как первая фаза коммунизма уннчтожает частную собственность и эксплуатацию человека человеком, ставнт людей в равные отношения к орудиям и средствам производства, но не дает полного и окончательного материального равенства, так как предполагает пока еще распределение продукции по труду, а не по потребностям. «В самом деле,— продолжает мысль Маркса Ленин,— каждый получает, отработав равную с другими долю общественного труда,— равную долю общественного продукта...

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее: один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше н т. д. Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различня в богатстве останутся, и

различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства,* фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность».

Лишь при коммунизме, указывал Ленин, когда труд людей будет настолько производителен, что они добровольно станут трудиться по способностям, «узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой,— этот узкий горизонт будет тогда перейден».

Имеем ли мы право игнорировать эти важнейшие положения Маркса и Ленина, когда размышляем о сложных процессах становления нашей общественной нравственности? А ведь помимо этих объективных противоречий переходного — от социализма к коммунизму — периода в их, так сказать, идеальном виде были еще трудности нашего реального исторического пути, связанные с войнами и различного рода лишениями, ошибками и просчетами,— материальная и нравственная плата за право быть первооткрывателями, осуществляющими идеал социализма в нищей, крестьянской, окруженной врагами стране...

Сохраняя всю нашу непримиримость к социальному эгоизму, мы должны быть реалистами и понимать: архитрудная задача воспитания нового человека, а следовательно, преодоления мелкобуржуазной, мещанской психологии и нравственности не решается лишь в сфере сознания и так быстро, как нам хотелось бы. Она будет решена, в конечном счете, упорным трудом народа, развивающего свои производительные силы, закладывающего экономический фундамент полного коммунизма и в этом труде, созидании преобразующего себя.

Новое нравственное отношение к труду перерастает в новое, гражданское отношение к обществу, когда человек чувствует себя за все в ответе,— помните слова Веньки Малышева из повести П. Нилина «Жестокость»: «Мы отвечаем за все, что есть и что будет при нас». Такого рода нравственное сознание обусловливает социальную активность и общественную принципиальность личности, превращает человека в борца. Борца за интересы партии и народа. В такого человека, который, говоря словами Белинского, «в мире боец».

СОДЕРЖАНИЕ

Феликс Феодосьевич Кузнецов

В МИРЕ БОЕЦ

Редактор **П. Д. Кондюкова**
Художннк **Н. В. Старцев**
Художественный редактор **Г. И. Сауков**
Технический редактор **И. И. Капнтонова**
Корректор **М. Е. Барабановв**

Кодированный оригннвл-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подп. в печвть 24/IV-75 г. Формат бум. $84 \times 108^{1}/_{32}$. Фнз. печ. л. 2,25. Усл. печ. л. 3,77. Уч. изд. л. 3,95. Изд. инд. МПЛ-364. А05896. Тираж 75.000 экз. Цена 15 коп. Бум. № 1. Звказ № 135.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Кннжиая фабрика № 1 Росглавполнгрвфпрома .Государственного комнтета Совета Мнннстров РСФСР по делвм издвтельств, полнграфии н кннжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.